

The book cover features a central image of a young, muscular man with light brown hair, shirtless, looking directly at the viewer. To his right, a wolf is shown in profile, howling upwards. The background is a misty forest at night, with a large, bright full moon in the upper left corner and several stars in the dark sky. The overall tone is mysterious and romantic.

РЕГИНА ГРЕЗ

Волк
РУССКИЙ ВИД.
КНИГА ВТОРАЯ

Регина Грез
Русский вид. Волк
Серия «Русский вид», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68427431
Р. Грез. Русский вид. Волк:

Аннотация

Катя – скромная, романтическая девушка, воспитанная на классической литературе. Не дождавшись своего капитана Грея, она согласилась на поспешное замужество, которое закончилось ударом.

В полнолуние на берегу лесного озера Катя встретит удивительного мужчину, который воплотит в реальность забытые мечты о дружбе, верности и любви.

Трогательно, сентиментально и чувственно. Это же Хати...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Неловкая ситуация	9
Глава 2. Катя	21
Глава 3. В лесную глушь	41
Глава 4. Знакомство с Русановыми	54
Глава 5. На берегу	69
Глава 6. Хати	87
Глава 7. В привычное русло	109
Глава 8. Воспоминания	124
Глава 9. В город	135
Глава 10. Квартира у парка	152
Глава 11. Обратю в "Северный"	168

Регина Грез

Русский вид. Волк

Регина Грез

* * *

Пролог

*г. Вайсбах, креп. Штайнбург
Лаборатория д. В. Крафта, 1943 г.*

По длинному темному коридору подвального помещения медленно двигался худощавый пожилой мужчина. Сгорбившись и прихрамывая, он старался не отставать от человека в черной военной форме, который иногда оборачивался для того, чтобы бросить короткую фразу.

– Прошу сюда, доктор Хелльбек. Надеюсь, перелет прошел удачно и вы имели время отдохнуть?

– Благодарю, господин Майер. Я... я правильно к вам обратился? Или следует называть ваш чин?

Голос пожилого мужчины слегка дрогнул, но не от страха, а как следствие плохо скрываемой усталости и недавней душевной травмы.

Снисходительный ответ не замедлил себя ждать:

– Не нужно церемоний, доктор! В неофициальной обстановке зовите меня просто Курт. Я рад, что могу лично сопроводить вас к объекту. Плохо выглядите, уверены, что не нуждаетесь в дополнительном дне покоя?

– Я готов приступить к работе. Ведь меня для этого сюда доставили в такой спешке?

– Вас пригласили.

– И отказаться было невозможно, не так ли? Моя научная работа почти завершена, но теперь это никому не интересно! Я даже не смог побывать на похоронах единственного сына, полагаю, судьба всего Рейха сейчас зависит от моего присутствия в Вайсбахе.

В голосе Хелльбека звучало неприкрытое раздражение и горечь. С трудом переводя дыхание, он тяжело оперся рукой о холодную каменную стену подвала. При слабом освещении свисающей с потолка лампы лицо доктора выглядело землисто-серым и изможденным, словно предсмертная маска измученного узника.

Металлический голос штандартенфюрера Курта Майера звучал без единой живой эмоции:

– Я понимаю ваше горе и сочувствую, господин Хелльбек. Ваш сын был настоящим асом и принес бы несомненную пользу «Люфтваффе». Мы все скорбим о нем. Но Крафт нуждается в ученых вашего уровня, и потому вы сейчас должны находиться здесь.

– Да, конечно... конечно. Где этот человек?

– Вряд ли это создание можно теперь считать человеком. Его организм успешно справился с новым биоматериалом в отличие от пятнадцати остальных «крыс». По истечении адаптационного периода, тело будет готово к тестам. Вас хорошо ознакомили с проектом?

– О, да... вполне.

Доктор криво усмехнулся, стараясь не выдать весь тот

ужас и отвращение, что сейчас бушевали в душе. Хелльбек прошел внутрь большой мрачной комнаты со стальной клеткой посередине. Внутри же клетки, на низкой кушетке прикрытый до пояса простыней, лежал светловолосый юноша.

Его запястья и лодыжки были привязаны к толстым перекладинам металлической кровати. Хелльбек наклонился над тем, кого Майер уже не считал человеком, и тихо проговорил, обращаясь больше сам к себе, по старинной привычке археолога, исследующего новую интересную находку.

– Так молод – верно нет еще и двадцати. Совсем мальчик... Моему Францу зимой исполнилось бы двадцать два. Они почти ровесники. И будто даже похожи внешне.

– У него есть имя? – уже громко обратился Хелльбек к Майеру.

– Нет. Можете выбрать сами или обойтись номером. На ваше усмотрение. Вам же придется вести документацию, поэтому дайте ему что-то вроде клички, – равнодушно посоветовал штандартенфюрер СС.

Процедура была скучна для него и даже несколько унизительна несмотря на личный приказ Крафта, а потому Майер торопился покинуть мрачный душный подвал и вернуться к документам наверху. Ему было поручено лишь проводить доктора к подопытному. Он выполнил свою задачу и, сухо поклонившись, больше статусу ученого, чем его личности, чеканным шагом вышел из помещения, оставив Ханса наедине с «мясом».

Хелльбек своим носовым платком осторожно вытер испарину с горячего лба юноши. У того, похоже, начался жар, все его тело сотрясала легкая дрожь, губы нервно кривились, обнажая белые крепкие зубы. Из уголка рта стекала тонкая струйка крови. Пятна засохшей крови виднелись и на груди.

– Ты сильный, здоровый, ты справишься. Ты сейчас больше нужен мне, а не им. Я назову тебя Хати. Теперь ты тоже волк, обреченный на вечные муки. Но, может, тебе повезет чуточку больше и ты все же когда-нибудь поймаешь свою Небесную возлюбленную... свою Луну. Поймаешь и уже не позволишь ей ускользнуть, она станет твоей Луной. И уже никогда не покинет.

Я хочу верить, Хати... Хочу верить в тебя, потому что все мои прежние веры потерпели чудовищный крах. Мир красоты и человечности, воспетый Гейне, рушится на наших глазах, мы превратились в ненасытных чудовищ, нам всего мало.

Я отдал бы остаток жизни, чтобы хоть еще один раз увидеть улыбку Франца, но этому уже не суждено сбыться. Тогда я постараюсь помочь тебе, русский мальчик, потому что мне нужно сейчас ради кого-нибудь жить...

Глава 1. Неловкая ситуация

Наши дни

Заказник «Северный»

Маша с трудом разлепила глаза, просыпаясь от надрывного детского крика, и тут же рухнула обратно на подушку. Голова гудела, словно чугунный колокол, совершенно не было сил подняться и подойти к кроватке, где ворочался двухмесячный сынишка. Спустя полчаса раздался встревоженный голос Брока:

– Машенька, он не успокаивается никак, я его уже на руках ношу – бесполезно. Может, покормишь?

– Ага... давай.

Маша пристроила сына к груди и довольно вздохнула, все-таки удалось немножечко подремать. Брок заботливо подложил под спину жены большую подушку и улыбнулся, поймав благодарный взгляд.

– Ничего, справимся.

– Сам-то отдыхал бы...

– Ляжешь тут с вами! – беззлобно усмехнулся он.

С другой стороны постели из отдельной кроватки раздалось жалобное хныканье.

– Ну, вот, теперь и Дашуля проснулась!

Маша тихо застонала... «Почему я такая размазня, Брок

тоже вымотался, хотя и не показывает виду, уж скорее бы утро, тогда придет Лиза, и я смогу немного уснуть наверху».

Последние два месяца были, пожалуй, самыми напряженными в ее жизни. Маша долго восстанавливалась после операции, а малыши постоянно требовали заботы и внимания.

«Мне еще повезло, что все помогают, не знаю, как бы жила без Брока и Лизиных советов. А Хати так, вообще, словно настоящая нянька. Вот детки подрастут, он целыми днями будет с ними возиться, ему только в радость. Одна бы я точно сошла с ума от усталости и недосыпа, а еще постоянное беспокойство, все ли правильно делаю, хватает ли молока».

Она с нежностью посмотрела на Мишутку, что, насытившись, сразу притих у ее груди. Рядом присел муж, держа на руках вновь заснувшую дочку.

– Она у нас девочка послушная, спокойная, в тебя, наверно. А вот, Мишка мой характер взял, такой же непоседа, и без сладенького засыпать не хочет...

Брок тихо засмеялся, а Машу в который раз за эти нелегкие дни охватило чувство огромной любви и нежности к мужу.

– Хорошо, что ты рядом...

– Хорошо, что вы у меня есть.

Под утро Маша смогла наконец немного поспать, но даже сквозь сон слышала, как Брок еще пару раз поднимался к детям сменить «памперсы». Он обычно «дежурил» с детьми по ночам и отдыхал днем. Машу вполне устраивал такой гра-

фик, но в последнее время стало казаться, что они совсем мало времени проводят вдвоем, что муж отдаляется от нее.

Этими сомнениями она и поделилась с Лизой, пришедшей проведать ее ближе к полудню. Доктор Морозова сама была на четвертом месяце беременности и с гордостью демонстрировала окружающим аккуратный животик. Маша заметила, что движения подружки стали мягче, взгляды лучились счастьем. Лиза выглядела великолепно – кожа сияет, волосы блестят...

"Не то, что я – растрепанное чучело!"

Маша с грустью поправила свой короткий пучок на макушке, по некоторым причинам с длинной косой недавно пришлось расстаться. Лиза хорошо понимала настроение молодой мамочки и старалась изо всех сил ее поддержать:

– Ты даже не думай переживать по поводу волос. Все восстановится со временем, локоны еще лучше будут и талия твоя вернется, животик очень быстро подтянулся, не грусти.

– Если бы...

– Маша, гони хандру! У тебя сейчас все силы организма направлены на питание детей, поэтому не забывай витамины принимать, высыпаться старайся, ерунду в голове не держи, не накручивай себя.

– Лиза, мне кажется, Игнат любую возможность ищет, чтобы сбежать из дома днем. А ночью он только из чувства долга помогает.

– Полная чепуха! Он на деток нарадоваться не может!

– Он ведь тоже устает, я вижу... И мы давно вместе не были. Мне кажется, я ему уже не нравлюсь, такая нервная всегда, глаза красные, реву без причины. Я и сама знаю, что изменилась.

– Ну, началось! Затяжная послеродовая депрессия – вот как это все называется! Машенька, продержись еще месяц и будет легче.

– Откуда ты знаешь? Уже никогда легче не будет! Я даже не верю, что смогу когда-то еще спокойно проспать хотя бы четыре часа подряд так, чтобы не вскакивать на детский крик. Я вся издергалась, я вздрагиваю от малейшего шороха в кроватке!

– А ты чего же хотела-то, милая? – усмехнулась Лиза. – И деток надо и поспать хочется? За двадцать восемь лет не выспалась еще? Жаль... А как бабушки наши пятерых-семерых подряд рожали, ну, понятно, там уже старшенькие помогали, но этих старшеньких-то тоже надо было вырастить. Маш, относись ко всему проще, ничего не бойся. Женщины такие существа, что ко всему привыкают и приспосабливаются. Ты справишься. Так и повторяй как заклинание: я – сильная, здоровая, я справлюсь, я смогу. Вот, ходи и убеждай себя, а что еще делать? Ты не одна.

«Ах, если бы это было так просто...»

Маша только громко вздохнула, сынок почти сутки «висел» на груди, совершенно не желая спать в кроватке. А ведь надо было еще покормить Дашеньку – это чудо, что дочка

была более спокойна, иначе можно совсем впасть в отчаяние.

Пока Маша занималась детьми, Лиза принялась хозяйничать на кухне.

– Тебе еще повезло, моя дорогая, что готовить еду не надо на всю семью, и муж под боком, а не с работы приходит уставший и голодный. Так то...

Обед с ужином Лиза или Брис приносили из столовой. Маша с величайшей благодарностью принимала помощь друзей, но ведь через какое-то время подруга с мужем покинет «Северный».

– Лизонька, прости, что я сейчас все время ною, у тебя же свои заботы. Как себя чувствуешь? Вы уже решили, когда переедете в город?

– Ну, пару месяцев точно еще будем в лесу. Хотя бы до августа. Пока срок не подойдет... Здесь идеальное место для беременной и кормящей мамочки. Воздух замечательный, фитонциды, глаза на зелени отдыхают. Эх, Машенька, наслаждайся жизнью, пока есть такая возможность. Все у тебя хорошо, все тебя любят.

– Ага, любят, как же... – всхлипнула она, уходя в комнату с сынишкой на руках.

– Что опять такое случилось? Выкладывай. – Лиза приготовилась слушать очередные домыслы.

– Игнат меня сегодня утром не поцеловал, как обычно, – пожаловалась Маша.

– Вот же катастрофа вселенского масштаба!

– Да, он теперь вообще не хочет ко мне прикасаться, раз я вся такая... неприбранная, вечно в расстегнутом халате, волосы как солома...

– Глупенькая, он же тебя бережет просто! Ты радоваться должна, что у тебя такой чуткий, понимающий муж. Я с ним разговаривала на деликатные темы, когда ты еще в больнице была. Ты же после операции должна полностью восстановиться. Дела амурные придется отложить.

– У меня все прошло, и ничего не болит, а может, я хочу сама... а ему не нужно, потому, что я стала такая... неприглядная.

– Это ты-то неприглядная? – раздался у порога комнаты знакомый мягкий голос.

Хати умел появляться бесшумно.

– Вовремя, дорогой друг! Ну-у, сейчас чья-то побитая самооценка поднимется до небес, – без церемоний пошутила Лиза, отлично знавшая с каким трепетом Волк относится к "грустной мамочке".

Действительно, Хати плавно приблизился к Маше и, опустившись перед ней на пол, вдруг порывисто обнял ее голые ноги, а потом начал горячо целовать колени.

– Самая красивая, самая нежная, самая великолепная...

Маша улыбалась, ласково глядя на Волка, а вот Лиза нахмурилась.

– Иван, немедленно прекрати странную комедию! Маша,

почему ты позволяешь ему так себя вести? Я отказываюсь тебя понимать. Это совершенно недопустимо!

– Но что он такого делает?

– Маш, тебе сколько лет, наверно, еще и десяти нет, раз, до конца не осознаешь... Он же взрослый мужчина, глазки разуй! Иван, хватит уже, отстань, пожалуйста.

– И что же мне делать, если я ее люблю? – запросто проговорил Хати, укладываясь на пол перед Машей, и ставя ее голые ступни себе на грудь.

Лиза только руками всплеснула от такой наглости.

– Вы оба с ума посходили, что ли? А если бы здесь был Брок-Игнат, или вы только без него в такие игры играете? Неплохо устроились, я смотрю... и все-то довольны!

– Да, Игнату уже все равно, наверно, – устало выдохнула Маша, удобнее располагаясь на диванчике и прикрывая глаза. – Он с самого утра в лес ушел, в свой прежний дом, должно быть, от нас подальше отдыхать...

– Вот и неправда, его Коротков чем-то загрузил, они сейчас вместе с Брисом, хватит надумывать! – вспыхнула Лиза.

– Тише, пожалуйста, Мишутка, наконец, заснул, – шикнула Маша на подругу.

– Переложу в кроватьку и поспи сама, хватит из себя мученицу изображать.

– Не могу, он тут же проснется и завопит. Я лучше посижу здесь.

Лиза Морозова была крайне встревожена. Хати вел себя

более чем дерзко, развалился на полу во весь свой немалый рост и поглаживает Машины ножки, будто это самое обычное дело.

"А мамочка наша и глазки зажмурила от удовольствия".

Еще бы, такой обаятельный мужчина ей массаж делает и комплиментами осыпает. Прямо бальзам на новоявленные комплексы.

"Нет, ребята, этак вы точно доиграетесь! Надо что-то делать! Да, только вот что, на уговоры они оба не реагируют. Не будешь ведь Игнату жаловаться. Он привык проблемы кулаками решать, трагедий Шекспировских нам только здесь не доставало".

Лиза растерянно посмотрела на часы.

– Мне нужно Андреича проведать, у него с вечера сердце что-то шалит. И еще есть дела... Я сюда Ольгу отправлю, вас двоих, кажется, уже нельзя без присмотра оставлять.

Маша слабо кивнула, даже не открывая глаз. Наконец выдалась минутка покоя. А Хати, словно издеваясь над беспокойством Лизы, вдруг поднес Машину ступню к своим губам, и не то поцеловал, не то прикусил острыми белыми зубами маленькие пальчики.

Лизе тут же захотелось его чем-нибудь огреть за такое нахальство, но не устраивать же скандал в чужом доме, вместо этого она бросила последний гневный взгляд на сонную хозяйку, торопливо оделась и покинула коттедж.

Дождавшись, когда "сердитая докторша" уйдет, Волк под-

нялся и сел на диван рядом с Машей. Словно почувствовав на себе его пристальный взгляд, та нехотя подняла припухшие веки.

– Ну, что ты, в самом деле... Лиза все правильно говорит, а ты ее злишь нарочно. Не надо...

– Я ничего не нарочно, – пылко протестовал Хати, – я сказал лишь то, что думаю и сделал, то, что хочу. Маша... он что, правда, тебя не трогает, когда тебе нужно? Я ваш разговор с Лизой случайно слышал, ты сказала, тебя обижает его поведение...

– Мы с тобой не должны обсуждать личные вещи.

– Но мы же с тобой – друзья! Ты постоянно твердишь, что мы лучшие друзья и никаких секретов между нами быть не может. Маша, я для тебя все сделаю, ты же знаешь! Скажи, что бы ты хотела... Как бы ты хотела... Только скажи...

– У меня ребенок на руках, бросай глупые разговоры.

Маша решительно поднялась с дивана и прошла по комнате. Мишутка засопел и заворочался, снова ища грудь.

"Попробую уложить его в кроватку и покачать, мне кажется, я сейчас как выжатая досуха тряпка".

Через пару минут ребенок все-таки затих. Тогда Маша проверила Дашеньку, мирно спящую в колыбельке рядом, и слабо улыбнулась.

– Вот мое сокровище! Покушала и баиньки. Почему же братик так не может... Что вы такие дерганые – мужики?

– Не все же, я например тихий и послушный.

Волк неожиданно крепко обнял Машу, подойдя сзади, одна его ладонь уверенно легла ей на грудь, а теплые губы заскользили по ее оголившемуся плечу.

– Как ты сладко пахнешь сейчас... Я с ума схожу. Маша, спаси меня...

– Ваня, лучше уйди! Это все нехорошо.

Но сопротивлялась она слишком неуверенно, а Хати, напротив, перешел к решительным действиям. Подхватил ее на руки, бережно уложил на диван и почти прилег рядом. Маша смотрела на него широко раскрытыми глазами, пыталась сказать что-то, оттолкнуть, но усталость после бессонной ночи почти лишила сил и способности рассуждать здраво.

А он вдруг быстро коснулся ее губ своими губами и распахнул спереди ее теплый халатик. Когда же в комнату зашла Ольга, то остановилась у порога, едва веря своим глазам, – Хати не то целовал, не то облизывал Машину грудь, истекающую молоком. Сама "мамочка" только слабо мотала головой и повторяла, словно в бреду:

– Хватит... уйди... не надо!

Быстро вникнув в ситуацию, Ольга позволила себе быть крайне резкой:

– Ничего себе – представление! Вот так картина маслом! А что, если бы вместо меня сейчас зашел Игнат? Вы можете себе это представить... Ну, мамочка наша, ладно, у нее стресс, видите ли, она все никак к новой жизни привыкнуть

не может, но ты-то... ты – кобелина матерый, о чем хоть ты думаешь?

Теперь Маша сидела на краю дивана, закрыв лицо руками, и только плечи ее нервно вздрагивали. Хати медленно поднялся, бросил на нее виноватый тоскливый взгляд и опрометью выбежал из дома. А Ольга продолжала командовать, меряя широкими шагами комнату:

– Так, дорогая моя, в душ быстро, смоешь с себя все чужие запахи, освежишься, успокоишься, скоро вернется муж! Ни к чему Игнату твои сопли видеть, старается мужик, пылинки сдувает с вас, а ты... Ну, иди уже, чего нюни-то распустила! Раньше надо было думать!

Маша скрылась за дверями ванной комнаты. В кроватке снова расплакался Мишутка, и через пару минут ему начала вторить сестренка. Ольга неумело покачала кроватку с мальчиком, потом включила музыкальную кнопку на шезлонге-качалке, где находилась маленькая Даша.

«Вот и мне на старости лет довелось понянчиться... Опыта никакого, времени учиться тоже нет, а друзей надо спасать. Придется срочно вызывать Веру, одно ее присутствие обстановку улучшит».

В результате раннего неудачного аборта Ольга Комарова не могла иметь детей, и это было ее давней почти зажившей раной, которая в последние месяцы начинала гореть огнем, мучая, казалось бы, забытой болью.

После преждевременной кончины мужа, собственно, ко-

гда-то и настоявшего на прерывании ее беременности, Ольга полностью посвятила себя государственной службе, а год назад легко согласилась уехать в глушь Сорокинского района, чтобы координировать работу небольшого санатория под руководством «полковника из Москвы».

И совсем недавно непосредственный начальник Коротков вдруг в самых изысканных и вычурных выражениях предложил Ольге руку и сердце.

«Места тут волшебные, что ли», – задумалась женщина, продолжая покачивать Мишину кроватку под успокаивающую мелодию, – «вот уже две семьи в "Северном" образовались, у Маши с Игнатом детки растут... У Лизы осенью дочка родится. Только Ванюша все мыкается один. Сосватать бы ему хорошую девушку, да только где ж ее взять-то? Такой хороший парень пропадает...»

Глава 2. Катя

Наши дни

г. Новый Уренгой

Стоял пасмурный апрельский день, когда Катя Каргаполова, а в девичестве Пермякова получила из Тюмени неприятные известия от матери. Оказывается Вера Анатольевна все же подала на развод с Катиным отцом и съехала из просторной общей «трешки» в свою двухкомнатную квартиру в историческом центре города. Впрочем, Катя не была особенно удивлена. Родители уже несколько лет жили как соседи по дому.

Николай Иванович Пермяков – высокий представительный мужчина с роскошной седеющей шевелюрой, считался известным в городе деятелем культуры, работал в сфере журналистики, ежегодно выпускал новые книги краеведческого направления, часто мелькал на местном телевидении и всевозможных литературных встречах.

Катин отец давненько уже был всеми признанным Членом Союза Писателей России и весьма публичным человеком, не лишенным женского внимания.

Зато Вера Анатольевна являла собой полную противоположность мужу. Довольно привлекательная в юности, она в силу природной скромности привыкла оставаться в тени

талантливого супруга. Обеспечивала ему статус примерно-го семьянина, помогала в наборе и редактировании многочисленных статей, чудом совмещая обязанности секретаря и прислуги с работой воспитательницы в детском саду.

В доме Пермяковых часто собирались «культурные» гости, организовывались шумные застолья с чтением стихов и прозы «местного разлива», после чего некоторые авторы едва ли не слезно начинали жаловаться на суровость критиков и измелъчание читательских душ, отравленных современным телевидением и Интернетом.

Катя с детства наблюдала, как Вера Анатольевна незаметной тенью скользила из кухни в гостиную и обратно, принося подносы с угощениями и забирая пустую посуду.

Унаследовав неброскую красоту и мягкий характер матери, серьезной склонностью к литературе Катя пошла в отца. С малых лет пристрастилась к чтению, в средних классах наизусть знала несколько сотен стихов Ахматовой, Цветаевой и Есенина, зачитывалась русскими классиками, выделяя Ивана Бунина и Александра Куприна, восторгалась романтическими историями А. Грина, обожала русские сказки и древнегреческие мифы, а также всевозможные легенды и предания народов земного шара.

Естественно, Катя и сама пробовала что-то писать, ее подростковые стихи даже пару раз были опубликованы на литературной страничке местной газеты, а один рассказ на экологическую тему получил призовое место на областном кон-

курсе. Но большинство Катиных произведений сразу же подвергались резкой отцовской критике:

– Нет в тебе этой искры, понимаешь? Уж я-то вижу. Талант нельзя вырастить как морковку на грядке. Он либо дается от Бога, либо и нет его вовсе. А уж тогда, прости, дорогая, сколько не тужься – выйдет один лишь неловкий пшик. И бессовестное вранье, что трудом и терпением можно чего-то добиться в писательском ремесле, если ты от рождения в уста Музой не поцелован! Всю жизнь хочешь по издательствам мыкаться, в глазки редакторам заглядывать да гроши собирать? Хватит переводить бумагу, получи уже серьезную профессию, которая сможет тебя прокормить.

Доверяя отцовскому авторитету, Катя запрятала свои черновики поглубже в письменный стол и поступила в Институт психологии и педагогики. А получив диплом психолога, неожиданно даже для самой себя вышла замуж за Антона Каргаполова – руководителя отдела логистики в строительной компании «УренгойсбытСервис».

Антон был родом из славного города Новый Уренгой, куда и привез молодую жену на постоянное место жительства. Скоропалительное решение о женитьбе после двух месяцев нерегулярных встреч во время летнего отпуска было принято северянином не случайно.

Каргаполову было уже тридцать шесть лет, он давно хотел обзавестись семьей и имел хорошие материальные условия для появления потомства, но все его многочисленные отно-

шения так и не доходили до ЗАГСА. Дело в том, что Антон весьма строго походил к выбору супруги.

Девушка должна быть молода, хороша собой, образованна, покладистого нрава, из приличной интеллигентной семьи. Но, при всем при этом, она должна быть еще и невинна. Это было, пожалуй, главное условие – вишенка на слоистом торте из всех предыдущих требований.

Думаете легко найти современную, красивую девушку с высшим образованием и добрым характером, каким-то чудом избежавшую всех соблазнов взрослой жизни?

Так вот, Катя Пермякова в свои двадцать четыре года была именно такой девушкой. Нет, конечно, поклонников у нее всегда было предостаточно, особенно в студенческой среде. Но на первом курсе Универа Катя захлеб читала Эдуарда Асадова, и его стихотворение «Чудачка» вполне могла применить к собственной персоне.

– Какой же любви она ждет, какой?
Ей хочется крикнуть: "Любви-звздопада!
Красивой-красивой! Большой-большой
А если я в жизни не встречу такой,
Тогда мне совсем никакой не надо!" (с)

Уважала Катя и советскую поэтессу Юлию Друнину. Стихи ее казались необычайно легкими, певучими, запоминались с первого раза, ложились в душу.

– Не любите кого-нибудь,
Как-нибудь не любите,
Ждите самого лучшего,
Но не случая ждите.
Ждите слова – самого верного,
Ждите счастья – самого вечного,
Ждите самого первого,
Но не первого встречного. (с)

И Катя ждала... своего единственного – милого, чистого, романтического юношу, непременно с серыми глазами, как у Ахматовского короля. С ним можно было бы прогуливаться за руку по вечерней Тюмени, наблюдать закат, стоя на Мосту Влюбленных, обсуждать прочитанные когда-то книги, слушать ретро-шлягеры восьмидесятых годов и волшебные баллады группы «Мельница» в стиле фолк-рок.

Но при всей тонкости душевной натуры этот гипотетический Рыцарь должен был чем-то напоминать и Катиного отца: высокий рост, широкие плечи, обворожительная улыбка и невероятная харизма лидера, выделяющая такого человека из любой толпы. Правда, чем старше становилась Катя, тем больше отдалялась она от Николая Ивановича, не желая прощать отцу откровенное пренебрежение к матери и постоянные любовные интрижки на стороне.

Итак, годы Катины шли, Сероглазый Король в ее окружении не появлялся, зато на горизонте стал мелькать интересный взрослый мужчина с аристократическими замашками.

Он был неизменно галантен при встречах, на каждое свидание приносил цветы и конфеты, больше слушал Катину щебетанье, чем говорил сам.

А потом Антон попросил представить его Катиным родителям, которых при встрече немедленно очаровал. Даже взыскательный Николай Иванович рассудил, что лучшего жениха для единственной дочери он бы не желал. При чем кавалер и не скрывал своих серьезных намерений по поводу Катерины.

После совместного сытного ужина, приготовленного Верой Анатольевной, наедине Пермяков – старший так наставлял дочь:

– Антон – человек солидный, самостоятельный, на хорошей работе, имеет свою квартиру. На ногах стоит крепко и тебя отучит витать в облаках. Дурочка будешь, если откажешь такому завидному кандидату!

Вера Анатольевна же долго молчала, а потом тихо сказала:

– Ты бы, Катюша, не торопилась... Вижу, не любишь его, знаешь мало, пусть уезжает один на свой Север. Если будете скучать, найдете возможность встретиться. Если ты, и правда, ему нужна, подождет, даст тебе время подумать.

Катя тогда, пожалуй, впервые не послушалась горячо любимую мамочку.

– А есть ли она в реальности – эта грандиозная любовь, о которой книги пишут, пылкими стихами сочиняют поэмы? Может, лишь для особенных, богатых духом людей, а

я-то ведь так... Сколько мне еще ждать озарения, вспышки чувств, «удушливой волны»? Я, наверно, «холодная рыба» и никогда не смогу полюбить по-настоящему. Остается просто найти приличного человека и привыкать.

Правильно папа сказал, что Антон всего сам в жизни добился, он целеустремленный, настойчивый. С ним мне будет спокойно. Основа крепкой семьи – это взаимоуважением. А потом детки родятся, можно жить ради них. Так ведь многие пары живут, чем я лучше? А страсти будем в кино смотреть, да читать о них в любовных романах.

– Ой, милая ты моя, тебе жить...

Уже в сентябре была сыграна дорогая свадьба с немногочисленными, непременно «высококультурными» гостями, и молодожены простились с Тюменью, а Катя с родительским домом.

Прошел год, и она как будто привыкла, отлично справляясь с ролью хозяйки семейного гнездышка в центре Нового Уренгоя. Кроме того, Катя устроилась на работу психологом в детском реабилитационном центре «Садко». Отношения с Антоном развивались довольно ровно, первое время муж безукоризненно внимателен и вежлив.

Дома частенько появлялись цветы – достаточно дорогие подарки для северного города. Антон регулярно справлялся о состоянии здоровья супруги, лелея надежду в скором времени стать счастливым отцом. Однако по непонятным причинам ожидаемая беременность так и не наступала, и в кон-

це первого совместного года Каргаполов начал проявлять заметные признаки раздражения по этому поводу.

Сказать по правде, бизнесмену давненько уже начало казаться, что ему подсунули бракованный товар. Нет, с Катиной невинностью все было в порядке, здесь девушку не в чем было упрекнуть, как и с остальными первичными требованиями жениха. Но в отношении атмосферы семейной жизни и в особенности ее интимной части у Антона накопилось немало претензий.

По его мнению, супруга была очень холодна и скучна в постели, а также невероятно стыдлива. К немалой досаде Антона жена со слезами на глазах отказывалась экспериментировать и пробовать «что-то новенькое», например, особо экстравагантную позу или оригинальную «игрушку» из специализированного магазина.

Надежды Антона научить свою «девочку» всему тому, что он умел сам, подстроить Катюшу под свои изысканные потребности гурмана в любовных утехах так и не оправдались.

А ведь будучи долгое время официально один, он не привык отказывать себе в разнообразных удовольствиях, которые можно было получить прямо на дом, лишь набрав определенные номера телефона. И что же теперь, имея на руках молодую и привлекательную женушку, довольствоваться лишь малой частью арсенала любовных игр? С какой это стати!

Смирившись с тем, что в робкой Кате ему не разбудить

«вулкан страсти» Антон решительно отвел ей роль домашнего аксессуара и матери будущих наследников. А сам, естественно, втайне вернулся к прежним холостяцким привычкам, то есть стал чаще задерживаться по работе.

Сказать честно, Катя даже была рада, что с некоторых пор муж перестал требовать от нее «совершенно недопустимого» и оставил в покое.

Может быть, из-за этих все длительных периодов отчуждения между супругами давно желанная беременность никак и не желала наступать, хотя Катя очень хотела малыша. Ей казалось, что она посвятит ребенку все свое время, отдаст всю накопленную нежность, которую почему-то никак не могла излить на уважаемого, но не обожаемого мужа.

К концу первого совместного года она окончательно убедилась, что у нее серьезные физиологические проблемы. Она не получала никакого удовольствия от близости с Антоном, и в ответ на упреки в зажатости и неумелости, Катя постепенно научилась делать вид, что ей бывает хорошо. Так стало проще для всех. Антон, даже если и разгадал ее игру, то делал вид, что воспринимает Катины вздохи и стоны за чистую монету. Видимо, так ему тоже было легче выполнять супружеский долг.

В плане духовной близости между молодоженами тоже возникли неожиданные проблемы. Оказалось, что Катя и Антон предпочитают разные литературные и музыкальные стили. Мягкую и тактичную Катя вдруг стали тревожить рез-

кие высокомерные высказывания мужа в адрес коллег по работе и немногочисленных общих знакомых. Она вдруг открыла для себя, что Антон очень честолюбив, готов идти, что называется, «по головам» ради достижения цели, не считаясь с интересами партнеров по бизнесу или друзей.

И еще одна черта мужа заставляла приходиться в полное отчаяние. При малейшей размолвке между ними Антон замыкался в себе, исчезал из дома или, находясь рядом, не разговаривал с Катей целыми днями. Не выдерживая такого психологического прессинга, она первой шла на примирение, признавая свою мнимую или реальную провинность, и чуть ли не униженно вымаливала возможность вновь нормально общаться.

В такие периоды, к счастью, не слишком частые, Катя особенно остро чувствовала все десять лет разницы в возрасте между ней и супругом, а также свое безумное одиночество в чужом холодном городе.

И вот в один из таких «молчаливых» дней и позвонила мама с тем, чтобы сообщить о намечающемся разводе с Николаем Ивановичем. Реакция Кати была предсказуемо-бурной:

– Мамуль, я приеду! Я отпрошусь с работы и немедленно приеду к тебе, слышишь?

– Катенька, это не к чему! Я уже перебралась в старую квартиру. Вещей у меня немного, сама знаешь. Взяла недельку отпуска в Детском саду. Специально не хотела тебе рань-

ше звонить, зачем беспокоить? У тебя семья, работа, свою жизнь надо строить. У вас с Антошей тоже не все гладко, я ведь чувствую...

А еще мне предложили работу няней. Так неожиданно получилось. Ты знаешь, я, наверно, соглашусь! Оля мне уже много рассказала об этих людях. Ты же Оленьку Комарову помнишь? Они у нас жили в соседях... Хорошо, я тогда оставила ей телефон. Славная женщина... Всегда была готова помочь.

Она сейчас работает помощником директора в каком-то лесном санатории, и вот там у них живет одна семейная пара. Муж – бывший военный, девушка была учительницей, у них недавно родилось двое деток, ну, понимаешь, королевская двойня – мальчик и девочка. Беременность сложная была, роды непростые...

– Неужели в няньки тебя зовут? – насторожилась Катя.

– В общем, да. Оля сказала, там очень красиво, сосновый лес, озеро и сами они – прекрасные люди. Может, мне решиться? Группы у меня в сейчас нет, я на подменах больше, да и тяжело что-то стало в последнее время на работе.

– Мам, уходи из «садика», ты уже полгода на пенсии. Я буду присылать деньги, у меня хорошая зарплата. Зачем тебе еще с малышами водиться? Даже забудь про этот лес!

– Катюша, меня ведь Оленька попросила... Вроде, как знакомого человека, мы же раньше так с ней дружили до переезда. Я как знала – не хотела в новостройку ехать. Кру-

гом одинаковые серые дома, трубы у дороги, как змеи гигантские, сразу мне не понравилось на Широтной, да твой отец заладил, надо ему отдельный кабинет... Устала я с ним, Катя. Больше не могу. А в лес хочется. Напоследок, перед смертью хоть воздухом лесным подышать, как в детстве.

– Мамочка, о чем ты говоришь? – В сердцах закричала Катя. – Брось эти мысли грустные. Хочешь, я уеду из Уренгоя, вернусь в Тюмень? К тебе. Будем вместе жить в бабушкиной квартире. И никого нам больше не надо. Нам и вдвоем будет хорошо. Ты у меня самая лучшая, самая чудесная мамочка. Я тебя очень-очень люблю. Моя дорогая, пожалуйста, не грусти. У нас все еще будет хорошо. Я тебе обещаю.

Катя с трудом сдерживала слезы. На какое-то время с обеих сторон в трубке стало тихо. Потом послышался тяжелый вздох Веры Анатольевны.

– Если тебе с ним тяжело, не жди долго. Лучше сразу обрвать, пусть больно, но, зато потом не будешь всю жизнь мучиться как я. Ты у меня умная девочка, хорошая, добрая. Еще встретишь своего мужчину, обязательно встретишь. И узнаешь сразу, сердцем почувствуешь, что он – для тебя. И не будешь даже загадывать, что там дальше, как оно все сложится у вас, просто обнимет он тебя, и ты все поймешь.

– Мам, а у тебя было так?

Вера Анатольевна помолчала немного, а потом сказала просто:

– Было, доченька, теперь знаю, что было...

– И не с папой?

– Нет, хотя, тогда уже и ты у нас родилась. Да что скрывать? Знакомый один в гости заходил и все старался попасть, когда Николая Иваныча не было дома, стихи мне читал свои. Называл белой лебедушкой, русалочкой... Уехать с ним звал, ох, далеко, Катя, звал – на Байкал. Побоялась...

– А я как же? – не удержалась Катя.

– Тебя бы мы взяли с собой! Вася так сразу и сказал мне, мол, не то, что с одной, с двумя бы детьми взял, а вот с тремя бы еще подумал... Славный был парень. Наверно... любил меня.

– А ты его тоже?

– Тоже, Катя, тоже...

– И почему не поехала с ним?

– Да, вот подумала, а что люди скажут. Вдруг не привыкну на новом месте, да еще Вася к тебе будет худо относиться, а уж тебя доченька, я всегда больше жизни любила, сама знаешь.

– Знаю, мамочка! Милая моя, скоро увидимся, только улажу кое-какие дела, у нас тут проверка намечается, думаю, к майским выходным буду свободна. Не грусти, скоро обо всем поговорим, родная.

– Ты только ради меня не торопись.

Вскоре Катя положила трубку, вытерла слезы и принялась готовить Антону роскошный ужин, который он, правда, не оценил, сказав, что недавно вернулся из ресторана,

где праздновали чей-то юбилей. Катя была рада и этой скупой информации, как никак после недели «молчания» супруг снизошел до разговора с ней.

А через неделю неожиданно позвонил Николай Иванович и виноватым тоном сообщил Кате, что ее мама находится в больнице в тяжелом состоянии, в связи с чем требуется немедленное присутствие дочери в Тюмени.

Уже через пару часов Антон сам отвез ее в аэропорт и довольно нежно простился. Пройдя регистрацию на вылет, Катя нервно ходила кругами по залу ожидания, но вдруг объявили задержку рейса в связи с обнаружением неисправности самолета.

Прошло более часа, когда Катя прослушала сообщение о том, что шестичасовой рейс на Тюмень и вовсе отменен. Потолкавшись у кассы, она узнала, что билеты на ближайшие рейсы также раскуплены и смогла приобрести билет лишь на утро. Остаться в аэропорту не было смысла. Пришлось взять такси и возвращаться в квартиру мужа.

Почему-то даже не пришло в голову позвонить Антону, все мысли занимала Вера Анатольевна. Была почти полночь, когда уставшая, измученная Катя добралась домой. Стараясь действовать тихо, чтобы не будить мужа, Катя открыла двери своими ключами и, не зажигая свет, сняла верхнюю одежду в прихожей. А потом вдруг заметила, что в спальне горит приглушенный свет, а из-за полуоткрытой двери доносится томная мелодия.

Уже в коридоре между комнатами пахло чужими терпкими духами и ароматическими палочками. В первое время после свадьбы Антон часто зажигал их перед тем как начать долгую любовную прелюдию, к концу которой Катя обычно чувствовала головную боль и хотела только поскорее уснуть.

Остановившись у порога семейной спальни, она постаралась сосредоточиться на своем дыхании, успокоить неровно бьющееся сердце, а потом услышала из-за двери ласковый приглушенный голос Антона:

– Вот так, сладенькая, все делаешь правильно. Умница! У тебя сегодня получается лучше. Ты хорошая ученица, и папочка, возможно, тебя не сильно накажет.

На ватных ногах Катя прошла вперед и в немом изумлении уставилась на их с Антоном общую постель. Драгоценный супруг сидел абсолютно голый, опираясь спиной на подушки, прижатые к высокому изголовью, а между его разведенных ног на четвереньках стояла обнаженная пышнотелая блондинка. Руки девицы были почему-то стянуты сзади ремнем, а лицо располагалось в области паха Антона.

Катя судорожно глотнула и вышла из комнаты. В голове было гулко, как в пустом актовом зале школы, мысли оседали на пол комочками сигаретного пепла... Она включила свет в кухне и, налив себе стакан отфильтрованной воды, стала пить ее маленькими глоточками, как мантру проговаривая знакомые строчки:

«Нет в мире сильнее боли, умерла бы я лучше, что ли...»

Только у Асадова эти слова говорит молодой мужчина, заставший жену на кухне «целующейся с другим».

Катя действительно любила поэзию... И даже в этот трагический момент искала поддержку у классиков. "Нет ничего нового под солнцем!"

А потом случился совершенно безобразный разговор с мужем. Антон нагло обвинял Катю в том, что она фригидная женщина, абсолютная бесчувственная, не способная угодить мужчине в интимном плане.

– Это ты виновата, что я вынужден искать развлечений на стороне! Только ты одна. У тебя тысяча комплексов, ты не хочешь даже ради меня постараться, у тебя нет абсолютно никакого воображения, а мне надоела эта рутинка!

Катя чувствовала, что на нее рухнет глянцевый кухонный потолок.

– Тогда мы должны развестись как можно быстрее. Я уеду обратно в Тюмень. А ты найдешь себе другую, подходящую женщину, которая будет во всем тебя устраивать. Да хоть ту, что сейчас у тебя была...

– Это же шлюха! Правда, говорит, начинающая... Но она хотя бы пытается угодить!

– Так ведь ты ей платишь, как же иначе, – нашла в себе силы усмехнуться Катя, голос почти не слушался.

Антон пылливо заглянул в глаза жене. Он ожидал слез, истерики, битья посуды, но странное спокойствие трепетной и ранимой Кати вдруг вызвало в нем массу подозрений.

– У тебя кто-то есть, да? И уже, наверно, давно? Ты с ним иначе себя ведешь, и в рот берешь и задницу подставляешь, так? Знаю я вас, все вы, суки, одинаковые!

Антон грубо встряхнул жену за плечи, лицо его безобразно перекопилось от злости:

– Говори сейчас же, кто он! На работе познакомилась?

– У меня никого нет, Антоша, опомнись, как ты можешь такое думать?

Она вдруг с болью поняла, что снова оправдывается перед ним, несмотря на все, что увидела в спальне час назад. Невыносимое отвращение к мужу захлестнуло свежую обиду, но презрение к себе тоже не отпускало.

«Я – безвольная тряпка, он же просто вытирает мною всю свою грязь, ему нравится издеваться, потому что я полное ничтожество, не могу дать отпор».

И Каргаполов знал, когда следует повернуть нож в старой ране.

– Давно бы бросил тебя, но хотел «чистых» детей. От той женщины, у которой я первый и единственный. Ты о телегонии слыхала? О влиянии на потомство всех мужчин, которые были у бабы? Я и взял-то тебя оттого, что ты еще «девочка», хотел, чтобы дети несли только мою кровь. А ты, оказывается, кроме того, что шлюха, так еще и бесплодная! Вот это я попал!

У Кати дрожали губы, она смотрела на мужа широко раскрытыми глазами и не могла ничего отвечать. Он впервые

грубо разговаривал с ней настолько грубо, впервые оскорблял так жестоко.

– Прости... Нам незачем быть вместе. Я уеду...

– Уедет она... А я – что? Целый год жизни на тебя зря потратил? Свадьбу тебе устроил, наряды купил, пытался человека из тебя сделать, а ты – синий чулок, только книжки читать любишь, а на мужа тебе насрать? Я должен проститутку себе заказывать, чтобы не драть в туалете, ты хоть это понимаешь!

– Наш брак был ошибкой... – лепетала Катя, закрывая руками уши, чтобы не слышать поток брани.

– Что ты говоришь? Ты поняла это, когда нашла себе другого, да? У него что, хрен больше или вылизывает тебя лучше? Хоть раз меня об этом попросила, ты же вечно стесняешься, под одеяло прячешься. Я тебя даже голой-то ни разу не видел во весь рост. А ведь фигурка у тебя ничего!

Антон вдруг окинул Катю тяжелым, заинтересованным взглядом.

– Давай-ка мы сейчас потренируемся... Раздевайся! Станцуеть для меня на столе, и я еще подумаю, может, не буду тебя выгонять.

Он рванул ворот ее кофточки, потом стал стягивать бретели лифчика, одновременно пытаясь поцеловать, вернее, укусь шею. Катя извивалась в его руках, задыхаясь от запаха алкоголя, который она терпеть не могла. Антон был очень пьян, но ему удалось расстегнуть Катини джинсы и, уложив

ее на кухонный стол лицом вниз, он попытался стащить их вниз. Но вдруг передумал использовать жену в этом положении, пришла на ум другая идея.

– Таську-то я отправил, а, значит, ты сейчас сделаешь ее работу. Не отвертись на сей раз, любимая! Вставай-ка на колени и бери в рот. Ну, живо...

Ей казалось, что еще немного и она упадет в обморок от того, что с ней происходит. Она никогда в жизни не слышала плохого слова в свой адрес. Для родителей была «солнышком» и «радостью», при всей своей строгости, отец ни разу не позволял себе крика, а уж о физическом наказании даже и помыслить было невозможно.

Катя все понимала с полувзгляда, с полуслова. Даже редкие ссоры родителей проходили за закрытыми дверями с использованием вполне литературной лексики.

Когда Антон поставил ее на колени перед собой и вытащил из домашних штанов свое, надо сказать, весьма «приунывшее» достоинство, Катю стошнило прямо на голые ноги мужа. Каргаполов брезгливо выпустил из рук волосы жены и помчался в ванную. А Катя без сил рухнула на кафельный пол кухни, подтянула колени к груди и заплакала от полнейшего смятения и страха.

Жизнь стремительно летит под откос, будто неудавшимся браком перечеркнуто все хорошее, ожидавшее впереди. Словно своим поспешным замужеством она предала кого-то по-настоящему родного, желанного, кто непременно должен

был встретиться на пути.

И эта горькая мысль заставляла еще мучительней сжиматься сердце, вызывая потоки новых слез. Хорошо еще, что суровый муж больше не тревожил. Приняв душ, Антон вернулся в спальню и проснулся только ближе к обеду, в то время, когда Катя напротив, задремала в самолете, уносящим ее гораздо южнее Нового Уренгоя.

Глава 3. В лесную глушь

Наши дни

Из аэропорта Катя сразу поехала в дом отца, чтобы оставить там три большие сумки с вещами, а потом уж рвануть в больницу.

Не стесняясь, и даже с каким-то вызовом Катя сообщила таксисту, что застала мужа с другой женщиной и перебирается жить к маме. Зачем была нужна такая откровенность, сама не понимала, просто хотелось выговориться, но в ответ получила пару сочувственных реплик и серьезную помощь в транспортировке тяжелых сумок до лифта новостройки.

– Да-а, тяжеленько бы вам пришлось самой-то таскаться. Что у вас там, кирпичи?

– Книги, – тихо ответила Катя.

Она была готова забыть у Антона пару зимних вещей, но не смогла расстаться со своей личной библиотекой.

Получив расчет, таксист не удержался от прощальной реплики:

– Ну, удачи вам, девушка! Да не переживайте сильно, может, еще все утрясется, мы ж мужики по натуре своей такие... на передок слабые. Особенно, если бабенка сама не против, где же удержаться. Приползет еще на на коленях к вам супругник, так поругайте да простите.

– Спасибо за совет!

Отделавшись наконец от умудренного жизнью водителя, Катя нервно звонила в дверь, стараясь побыстрее попасть в родительскую квартиру. Почему-то никто не открывал.

«Что за день такой... Куда мне теперь с баулами деваться? От маминой "хрущевочки" ключей тоже нет при себе».

Щелкнула задвижка замка соседней квартиры, на площадку вышла аккуратная маленькая старушка.

– Катенька, вы приехали? Какая радость! А Николай Иванович в поликлинике дежурит уже вторые сутки. Так поухудел... Переживает за Верочку, просто невозможно страдает.

– Галина Ильинична, можно я к вам свои сумки занесу?

– Так я тебе ключи дам от вашей квартиры, мне папа твой оставил специально.

– Мама-то как? Что он говорил?

– Кажется, кризис уже позади. Будем надеяться...

Катя с великой радостью вошла домой и с недоумением уставилась на ужасный беспорядок в просторном холле. Зеркальные двери шкафа-купе были распахнуты, вещи выкинуты с верхних полок и лежали разбросанные на полу, у порога можно было споткнуться о коробку с мусором. В помещении витали запахи испорченных продуктов.

– Ясно... Папочка почти месяц один живет, прибраться некому, прислуга – то бесплатная сбежала.

Затыкая нос, Катя добралась до кухни, вышла на балкон и открыла все три окна на улицу. Взгляд ее тут же уперся в

бетонную стену многоквартирного дома напротив.

«А в старой маминой квартире за окном тополя... и сквер «Школьный» рядом, а там сосны, весной можно видеть как ветерок сбивает с крохотных шишечек пыльцу, тогда она кружится в воздухе золотой дымкой и медленно оседает на колючие веточки – волшебное зрелище.

А еще в мае распустятся яблоньки в аллее у Выставочного зала. И черемуха зацветет... и сирень. Весна в нашем городе – время надежд, когда искренне веришь, что все твои мечты сбудутся и совсем скоро случится твоя самая важная встреча. С тем, кто может стать твоей половинкой. Кому ты подходишь идеально, как ключик к замку, как кусочек мозаики к своей паре".

Расчувствовавшись, она даже воскликнула вслух:

– Скоро ли приплывут алые паруса в мою гавань? Отыщет меня мой капитан Грей? И как узнает при случайной встрече... Вдруг мимо пройдет.

Катя сняла с плеча небольшую сумочку из плотного гобелена и повернула к свету. Спереди сумочку украшал вышитой корабль, летящий над бурным морем. Когда Катя приобрела эту вещь на выставке в Уренгое, то паруса корабля были еще белыми, уже дома она сама расшила их в алый цвет.

Дело это было непростое, Катя все пальцы себе исколола, пока втыкала иглу в толстую ткань с кожаными вставками. Но довела задуманное до конца и уже полгода носила сумку с собой, как потаенный сигнал кому-то еще неведомому.

"Найди меня поскорее, я очень жду, мне без тебя плохо..."

Катя вытерла непрошенные слезы, с трудом нашла чистую посуду, наскоро выпила растворимый кофе, а потом переоделась и поехала проведать любимую мамочку.

В палате Веры Анатольевны стоял букет белых роз – ее любимые цветы. На тумбочке рядом с кроватью лежали фрукты и новая книжица Николая Ивановича с посвящением «Верной подруге и прекрасной Музе».

– Мамочка, как ты напугала нас, родная! Что же случилось?

– Уже все хорошо, сама не пойму, что это было со мной. Вроде, сердце никогда не болело, а тут даже «Скорую» пришлось вызывать. Не волнуйся, твой папа сразу же приехал, уж не знаю, кто ему сообщил.

– Ты же сама, Верочка, позвонить не догадалась, – с непривычной мягкостью в голосе начал увещевать Николай Иванович.

Катя внимательно посмотрела на отца, которого почти полгода не видела. Николай Иванович похудел, постарел и казался теперь меньше ростом, ссутулившись на хлипком стульчике у окна палаты. Даже одежда на нем была несвежая, на манжетах рубашки виднелись пятна, ворот засалился.

А ведь папа всегда был такой щеголь! Неудивительно, ведь каждая вещь его солидного гардероба проходила через заботливые руки жены. А Вера Анатольевна уже месяц как

живет отдельно. Катя начала кое-что понимать...

И тут мама подала голос:

– Коля, может, ты уже домой съездишь, отдохнешь, со мной дочка побудет.

– Да... и порядок надо бы навести дома, – не замедлила добавить Катя, – продуктов купить, в холодильнике твоём мышь повесилась.

– Девочки, я все сделаю, – пообещал Пермяков. – Дочь, ты же у меня... у нас на Широтной остановилась?

– Да, папа. Я, кстати, насовсем приехала в Тюмень. Уже с работой все решила, мне вышлют трудовую книжку по почте, у нас замечательный директор.

– Катенька, а как же Антон? – тихо спросила Вера Анатольевна.

– Мы решили расстаться, то есть, это я так решила, а он не был против. Я теперь свободна, как маленькая птичка и начинаю новую жизнь. Можете меня поздравить!

Говорила Катя преувеличенно весело, но родители смотрели на нее настороженно и с тревогой.

– Мам, только не переживай! Я просто поняла, что не люблю этого человека. Ты была права тогда, мы поторопились с замужеством. Зато теперь я по-настоящему взрослая, умная, самостоятельная женщина и впереди меня ожидают только хорошие встречи. Да будет так!

– Но как же... – пригладил отросшие неухоженные волосы Николай Иванович, – ведь Антон показался мне вполне

приличным мужчиной, интеллигентным...

«Эх, знал бы ты, что себе этот интеллигент позволяет!»

– Я на Север точно не вернусь, попробую все документы здесь оформить, должна быть такая возможность, по почте отправлю, пусть пришлют сертификат о разводе или как эта бумага правильно называется, вы не в курсе?

Катя испытующе посмотрела на родителей.

– А у нас, доченька, все наладилось, – бодро ответил Николай Иванович. – Мы с мамой не будем расходиться, особенно сейчас, когда ей забота нужна и внимание. Мало ли чего в семье не бывает, милые бранятся, только тешатся. «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии... – эти слова я только под старость по-настоящему осознал», – во взгляде, который Николай Иванович бросил на жену, теплилась небывалая доселе нежность.

Он пересел на кровать и церемонно поцеловал маленькую сухую ручку Веры Анатольевны.

– Я перед тобой, Верочка, очень виноват, но я все искуплю... кровью, если будет так нужно.

Катя быстро-быстро заморгала удивленными глазами, глядя на спокойное, умиротворенное лицо матери.

– Раньше бы все эти слова, Коля... А теперь уж ни к чему, наверное.

– Не пущу! – вдруг сердито воскликнул Пермяков, – даже не вздумай к нему собираться, а если сбежишь, следом поеду и вот этими руками задушу лично твоего... ухажера старого.

– Господи! Ну, чего ты привязался, никуда я не собираюсь от тебя скрываться, – тихо засмеялась Вера Анатольевна, – только и к тебе не вернусь, у меня своя квартирка имеется, слава Богу, заслужила покой за тридцать лет маяты.

– Верочка, прости, душа с телом расстается, когда подумаю, что ты меня бросишь.

Катя с полным недоумением уставилась на отца, который вдруг переместился на колени возле кровати и, прижавшись лицом к теплой ладошке жены, весь затрясся от бурных рыданий. Это уж совсем было не похоже на поведение вальяжного светского льва, каким все знали Николая Ивановича.

– Да что у вас здесь творится? Может, доктора вызвать?

Вера Николаевна улыбалась, прикрыв глаза и поглаживая свободной рукой седую шевелюру мужа.

– Тихо, тихо... Хватит уже, Коля, драму разыгрывать. Поезжай домой, выпишись, меня завтра выпишут, дома и поговорим.

– Дома, это на Широтной? – с надеждой вдруг спросил Николай Иванович.

– Там такой бардак! – вставила Катя с недовольством покосившись на отца.

А он перехватил ее взгляд и тут же заверил:

– Я поеду, приберусь, только Верочка, вернись завтра ко мне, я так соскучился. Мне без тебя очень плохо. Помру без тебя, один...

– Не выдумывай, Коля. Да ты всех нас переживешь и жену

молодую себе еще сыщешь. Я бы могла подсказать... Выбор пока есть...

– Не нужна мне молодая! Ты у меня одна, Верочка. Я сейчас это понял, какой был раньше дурак, что тебя не ценил. Счастье со мной рядышком было, рука об руку мы шли по судьбе, все напасти вместе одолевали. И всегда ты меня поддерживала, никогда не упрекала ни в чем. Даже когда я... эгм... чудил малость, все мне прощала.

Вера Анатольевна тяжело вздохнула.

– Коля, поезжай домой, выспись...

Когда женщины остались в палате одни, Катя пересела поближе к матери и смогла, наконец, узнать причину столь необычного поведения отца.

– Так все странно получилось. Вася мне письмо прислал из Читы. Мы ведь сто лет не виделись, не общались, я даже не вспоминала почти о нем. Знала, что женился, дети пошли... А тут вдруг письмо! Кто-то из тюменских знакомых ему адрес наш новый дал.

А я-то уже переехала как две недели, вот письмо к Николаю Ивановичу и попало. Вскрыл он его, подлец эдакий! Уж не знаю, что там было написано, так и не показал мне письмо, но передал, что Вася теперь вдовец и вроде как... ох, меня к себе приглашает. Коля разозлился страшно, сначала по телефону мне гадостей наговорил...

В голосе матери Катя расслышала закипающие слезы и в то же время нотки затаенной гордости.

– Я трубку бросила, сказала, что теперь свободна. Захочу, и на край света поеду. Хоть годик пожить как человек, а не ломовая лошадь, которой даже спасибо не скажут за все труды. Только одни обиды да попреки и видела с твоим отцом за эти годы. То выгляжу не так, то ступить важно не умею, то суп не солен, то бисер мелкий... И недоволен вечно... Ничем ему не угодишь!

– Мамочка, успокойся, не плачь. Я всегда была на твоей стороне, ты же знаешь.

Катя прижалась к матери, сама едва сдерживая слезы, пока Вера Анатольевна продолжала тихий рассказ:

– Так просто ему сказала, сгоряча. Никуда не поеду, зачем? Здесь ты у меня есть, одна мне радость осталась, думала, хоть на внуков погляжу, понянчусь с детками твоими. А у тебя видишь, как выходит... Катенька, за что тебе-то такое, ты ли чем не хороша у нас, уж вроде растили мы тебя с папой в любви, как бы ни ладили меж собой, ты всегда была для нас на первом месте. Может, ради тебя-то я все и терпела от него, а иначе давно бы уж... Ох, Катя, таблетки подай, тут, на тумбочке, на бумажке... и водичка рядом.

– Не переживай за меня. У меня все только начинается, я тебе обещаю, будут у тебя еще внуки. Где же мне такую золотую бабушку для них найти? Ты ведь сокровище мое, я тебя очень люблю, мамочка. Только живи долго и спокойно, а мы будем тебя радовать. Я постараюсь для этого все сделать, слышишь, родная, только не хворай!

Вера Анатольевна приняла лекарство, а потом, помолчав немного, сказала:

– Я после того телефонного разговора с Колей очень расстроилась. Места себе не могла найти, а ночью совсем худо стало, кое-как набрала «Скорую» и открыла двери. У порога села, думала не доживу. Не помню даже, как меня увезли. А здесь уж мне стало полегче, хорошие люди, быстро помогли.

– Mam, тебе нельзя одной жить. Я теперь буду рядом.

– Так ведь, знаешь, что отец-то твой задумал. Путевки на двоих купил, аж в Ессентуки. Раньше-то он все один по курортам ездил, мол, полноценный отдых, смена обстановки, вдохновение и все такое. Никогда ему не перечила, мы с тобой и у бабушки в деревне отдыхали неплохо, пока папка наш на море загорал.

– Это точно! У меня же какая-то аллергия на южные растения оказалась, да? Я вся сыпью покрылась и насморк был ужасный, я даже помню немного, мне тогда лет пять было или шесть?

– Было такое еще до школы. А может, просто с непривычки или в воде инфекция, один раз только в Анапу и съездили семьей.

– Хм... а теперь он собрался везти тебя на Кавказские минеральные воды. Mamочка, это же здорово! Прямо сказка. Тебе сейчас это очень нужно. Или ты с ним не хочешь ехать?

– Катенька, я даже не знаю! Он категорически против развода, говорит, что будет все делать по дому сам, а я лишь ко-

мандовать должна. Помыкался этот месяц один, понял, какова холостяцкая жизнь с непривычки, да еще под старость. И жалко мне его, все же много лет вместе, он рассеянный такой, пропадет без меня. Придется, видно, вернуться... Ох, не знаю, Катя...

– Мамуль, съездишь на юг, наберешься сил, помотришь на его поведение, а там все и решится.

– Я ведь Оле обещала помочь...

– Какой еще Оле?

– Комаровой Ольге, моей старой подруге, в «Северном» меня давно ждут.

– Вот уж точно чепуха! – возмутилась Катя. – Найдут себе другую няньку, экая проблема! У тебя сейчас, можно сказать, здоровье на кону и личная жизнь решается. Забудь ты про этот лес!

– Катя, я так не могу, я дала слово. Обнадежила людей, понимаешь? Я никогда никого не подводила. Обещала, значит, приеду.

Какой бы мягкой не была Вера Анатольевна, но данное друзьям слово держала как боевой штык наперевес. До конца, до победы. И Катя задумалась.

– Может, тогда мне вместо тебя поехать?

– А ты с маленькими сможешь?

– Смогу, конечно! У нас в Центре довольно долго женщина жила с двумя малышами, одному даже месяца не было. Она от мужа-алкоголика сбежала, он ее избить грозился, ре-

шил что последний сынок не от него, нагуляла, мол. Так вот, эта Роза детей нам оставляла, а сама бегала в полицию забирать заявление, пожалела мужа все-таки. Целыми днями куда-то уходила, а с маленьким ее возилась я. Девочки ему «памперсов» и смеси детской накупили, одежды у нас и так много, отдают же люди для малоимущих.

Я неплохо справлялась, вечерами в Интернете множество статей прочла об уходе за детьми, на всяких Форумах для «молодых мамочек» зарегистрировалась. Думала, если во все это вникну, то и свои детки скорее появятся.

Мам, я потом обследование пройду в Тюмени, может, у меня какое-то нарушение... мы же с Антоном девять месяцев жили вместе, а ничего не получилось с детьми. Хотя, это к лучшему, наверно. Как бы ушла от него, если бы был у нас малыш?

– Детки, Катя, они в любви рождаться должны. А девять месяцев – это еще не срок. Ты у меня и вовсе на второй год совместной жизни с твоим папой получилась. Все сбудется, не переживай. Значит, поедешь в «Северный»? Может, отвлечешься немного от своих забот? Природа – она, Катя, лучше врачей лечит. И тело и душу.

– А у вас когда отъезд намечается? Я имею в виду на Кавказ, за здоровьем?

– Торопится твой отец меня увезти, уже на шестое мая забронировал билеты. Боится, чтобы я от него в Читу не сбегала. К Василию Петровичу...

– Тогда провожу вас и тоже поеду лесовать. Вдруг попадется мне какой-нибудь пригожий леший. Вежливый и симпатичный. Будем вместе под луной гулять.

Катя засмеялась, и Вера Анатольевна с улыбкой посмотрела на дочь. «Все бы отдала, чтобы родная девочка была счастлива».

– Значит, я сегодня же звоню Ольге! Она очень рада будет.

– Звони, мамочка, звони. Я теперь на все готова. Даже на лесную чащу, – храбро заверила Катя, скрепя сердце.

Глава 4. Знакомство с Русановыми

Наши дни. Заказник «Северный»

Поездка заняла почти весь день, но даже очень уставшая Катя с любопытством рассматривала обстановку двухэтажного деревянного домика на берегу озера в лесу.

«Судьба мне, что ли, по северам скитаться, пусть это лишь название поселка... Медвежий угол, настоящая глухомань. Тем лучше».

Ольга встретила радушно:

– Проходи, не стесняйся! Маша в комнате, наверно, с детьми возится, я вас познакомлю сейчас.

Скоро к гостям вышла миловидная девушка, примерно Катиного возраста или чуть старше.

– Ой, здравствуйте, а вы кто?

Ольга счастливо улыбнулась:

– А это, Машенька, твоя новая помощница – Екатерина Николаевна Каргополова. Правильно?

– Пермякова, скоро снова буду Пермякова, и лучше просто Катя, так проще.

– А мы бабушку ждали... – в голосе Маши явно звучала растерянность, она удивленно смотрела на Ольгу, словно в чем-то сомневаясь.

После краткой паузы в разговоре Катя решила себя про-

ЯВИТЬ:

– Как в мультике про Карлсона, помните, когда к ним фрекен Бок пришла по объявлению. «Мы же приглашали воспитательницу...». Но я точно не фрекен Бок, я помогать к вам приехала, а не плюшки трескать. И маленьких очень люблю, к тому же мне требуется серьезная тренировка на будущее, своих-то пока нет. Но вы не волнуйтесь, зато у меня имеется приличный опыт ухода за детьми, я справлюсь. Должна была приехать моя мама, но она заболела...

– Что-то серьезное? – забеспокоилась Маша, и Катя немедленно прониклась к ней глубокой симпатией.

«Мы непременно должны подружиться, ей тут, похоже, тягостно одной в лесу, да еще маленьких детей сразу двое. А муж-то, наверно, сыч нелюдимый...»

– Все уже хорошо, они с папой едут в санаторий, поправлять здоровье. Мама не хотела на юга, планировала сюда, к вам... Но так уж все получилось, сердце у нее прихватило, в больнице неделю лежала. Она человек ответственный, не могла вас подвести, вот я и вызвалась помочь вместо нее.

– Это замечательно, что вы приехали...

Заскрипели деревянные ступени лестницы, со второго этажа спускался хмурый мужчина внушительной комплекции. Его темные глаза с недоумением остановились на гостье и Кате вдруг стало не по себе. Хорошо, что Маша сразу к нему обратилась:

– Доброе утро, Игнат! К нам приехала Екатерина Пермья-

кова, познакомься. Она будет няней... как-то это слово звучит странно – «няня». Сейчас в городе, наверно, так не говорят, этот термин из старых книг или фильмов, из прошлого века.

– Точно, – улыбнулась Катя, – предлагаю общаться по именам, если никто не против. Вы – Маша, а вы – Игнат... или лучше по отчеству, извините.

Она немного смущенно обратилась к хозяину домика и тот задумался, сдвинув густые темные брови.

– Я такой старый на вид, чтобы по отчеству? Можно, просто Игнат или... Брок.

– Брок – его второе имя, мы оба используем, какое первым на язык ляжет, – растолковала Ольга, немного скованно улыбаясь.

– Это имя из скандинавской мифологии, да? Необычное, интересное... вот я знаю одну историю о викингах... – не сдержала эмоций начитанная Катя.

– Еще один знаток сказок приехал, – хмыкнул Брок, и было совершенно непонятно, сердится он или смеется, – здешний «собиратель преданий» сейчас не заходит, нашкодил здорово, а, Маш?

– Я сама велела ему пока не приходить, – твердо ответила та, спокойно глядя в глаза мужа.

– А с чего бы вдруг? Уж какая дружба у вас была с ним, сердце радовалось наблюдать со стороны!

В голосе Брока звучала уже неприкрытая злость, и Маша

отвернулась, поудобнее укладывая на руках маленькую Дашеньку.

– Ребята, потише, у вас же гости в кои-то веки, – примирительно начала Ольга.

– Может, я позже зайду, пока вещи свои разберу в комнате, где буду жить, по территории пройду, здесь такие замечательные места. Маша, а, может, вместе с детками погуляем вечером? Я через часик зайду к вам снова. Согласны?

Катя поймала благодарный взгляд хозяйшки и ее утвердительный кивок, поправила на плече сумку и уже собиралась уходить вслед за Ольгой, как ее остановил странный возглас Брока:

– Да, неужто дождались... Ну, наконец-то, теперь жизнь точно наладится. Смотрите, «Алые паруса» приплыли! Вот удача, так удача!

Она замерла на пороге, обернулась и окинула удивленным взглядом семейную пару, которой настроилась помогать.

– Вы про кого сейчас говорите? Какие паруса?

– Катя, вы не думайте ничего плохого. Это вроде поговорки, метафоры. Вы же сами знаете историю Грина... Муж про сумку вашу сказал, кораблик уж очень красивый с алыми парусами.

Маша решительно отдала ребенка Броку и подошла к Кате с явным намерением ее проводить. Она даже накинула курточку, обулась и вышла с гостьей на крыльцо дома.

– Вы не смотрите, что Игнат такой... гм... суровый, он

что-то не в духе сегодня, а обычно хороший, добрый. Я его очень люблю, просто у нас период сейчас напряженный... Приходите позже, я буду рада. Мы же теперь на ты, правда?

У Маши голос трогательно дрожал, лицо порозовело от волнения.

– Обязательно приходи вечером, еще Лиза будет со своим мужем. Они отличные ребята. Все наладится, я понимаю, многое может показаться странным с непривычки, но... мне бы не хотелось, чтобы вы вдруг решили уехать от нас, вот так сразу, после первого знакомства. Может, вам здесь еще понравится.

Катя внимательно заглянула в печальные Машины глаза и удивилась просящей интонации голоса, тому, как она неловко переходила на «ты», а затем снова начинала «выкать».

«Бедная девчонка, видимо, муж ее здорово притесняет. Конечно, я ее здесь одну не брошу».

За неполный год в социальном центре помощи малообеспеченным гражданам и неблагополучным семьям Катя успела насмотреться всяких сложных жизненных ситуаций. Но одно поняла интуитивно еще в первые дни – ее работа, ее призвание помогать женщинам в беде. Особенно женщинам с детьми и, кажется, Маша была одна из тех, кому незамедлительно требовалась активная Катина помощь. Сначала надо мамочку успокоить.

– Я здесь планирую все лето прожить, не переживайте, я не уеду, а насчет семейных разборок... я не из робких, сама

недавно на развод подала.

– Ах, неужели? Катя, как это грустно!

– Все грустное осталось позади, я же неисправимый оптимист.

– Что плакать ночи напролет,
Уж все менялось не однажды,
И завтра там родник забьет,
Где нынче гибнешь ты от жажды (с)

– Замечательные стихи! – восхитилась Маша, – надо бы мне запомнить, прямо как молитва в момент душевной боли.

– Это Лариса Миллер. У нее множество прекрасных стихотворений, – уточнила Катя.

– Я даже не слышала о такой поэтессе... Вы, наверно много читаете, да? Я тоже раньше увлекалась, но в основном прозой, хотя стихи тоже люблю. А Лиза на гитаре играет, еще Ваня пел, у него голос чудесный.

Маша смущенно улыбнулась, опустила карие глаза, словно вспомнив что-то не очень хорошее.

– Не может мне муж этого Волчонка забыть, словно подзревает в чем-то. А я и сама не пойму, виновата или нет... Ах, Катя, вам бы с Иваном познакомиться, такой славный парень. Он прежде часто у нас бывал, а теперь вторую неделю носа не показывает. Вот Игнат и думает всякую ерунду, а Иван для меня как брат, ну, или как сын теперь... молочный.

Последнее слово Маша произнесла совсем тихо с горьким

смешком, будто про себя, а Катя расслышала, хотя и не подала виду, что удивилась такой странной формулировке родства.

Скоро Ольга проводила Катю в административный коттедж, где проживала сама с первого дня появления в «Северном». По пути немного обсудили и Веру Анатольевну.

– Это хорошо, что она с Николаем помирились и на минеральные воды вместе поедут. Меня вот тоже замуж зовут усердно, да соглашаться не спешу. Зачем народ потешать под старость, какая с меня невеста, за шестьдесят уже...

– Выглядите вы отлично! – искренне заметила Катя. – А если человек душевный и к вам хорошо относится, что ж не пожениться? Вы, наверно, давно знакомы?

– Начальник мой, директор базы полковник Коротков. Алексей Викторович, – с улыбкой пояснила Ольга. – Увидишь его завтра, он приедет из города к обеду. Человек, конечно, хороший, только не пойму, зачем ему официальная регистрация? И так уже, можно сказать, живем вместе, чего греха таить. Здесь, на природе, все быстрее и проще получается, сходятся люди легче, душу друг другу открывают. Ну, и тело тоже... – Ольга лукаво усмехнулась, словно сама себе не веря, и продолжила рассказ.

– Вот Маша с Игнатом – я и опомниться не успела, как они стали вместе жить. А ведь у Брока, то есть Игната, характер не сахарный. Алексей долго с ним поладить не мог, только Маша и справилась. Владимир с Елизаветой опять же... гла-

зом моргнуть не успела, а у нее уже животик «нарисовался», ну, давно пора, не молоденькая. Может, и тебе здесь пара найдется... – загадочно проговорила Ольга, глядя куда-то в голубые небеса без единого облачка.

– Честно сказать, меня Ваня из таинственной троицы больше всех беспокоит. Такой он милый, добрый парень, и с улыбкой всегда, и с шуткой, не то что эти двое... Сама же видела, Брок вечно настороже, Машу охраняет от всего мира, а теперь и деток, можно подумать их здесь кто-то обидеть попытается. Брис, то есть Владимир, тот все больше молчит, сам по себе, хотя с Лизой-то, я так понимаю, у них полное согласие.

А Ванечка – простая русская душа, один мается. Тяжело ему, дело-то молодое, известно... Оттого и к Маше тянет, а теперь и туда хода нет. Жалко парня, но что поделать. Сам виноват...

– А где Иван сейчас? – будто невзначай поинтересовалась Катя. Задумавшись, она слушала Ольгу, что называется, вполуха.

– Да кто ж знает, носится где-то в лесу. Ты его, Катюша, не обижай при встрече.

У Кати вдруг сам собой «нарисовался» в голове образ худенького паренька Ванечки – молоденького совсем, класс этак девятый – десятый. Проблемы в семье, неустроенность быта, одноклассники, наверно, обижали, дразнили. Первая полудетская влюбленность во взрослую, замужнюю Марию

Русанову. Да что долго рассуждать! Надо бы парню помочь, хотя бы поговорить по душам.

– Тетя Оля, я же не монстр. Я всегда за детей горой. А подростковый возраст – он самый сложный. Здесь чуткость нужна, терпение и понимание, я прекрасно знаю. Поговорю с ним при встрече, мы подружимся. Я умею с молодежью находить общий язык. Родители у него где?

Ольга испытующе оглядела Катю, вздохнула, отчего-то усмехнувшись. А потом сказала уже серьезно:

– А родителей-то и нет, он не помнит их даже.

Вот тут Катя совсем прониклась драматической ситуацией неведомого Ивана.

«Так он еще сирота, как же не повезло бедняге. Нет, обязательно его найду и заведу разговор. Сейчас такое сложное время, что случаи детского суицида все чаще случаются. А тут несчастная любовь и одиночество. Ах, Ваня-Ванечка, как бы мне тебя отыскать поскорее».

Когда у человека появляется цель и некие конструктивные планы по ее достижению, когда день загружен плодотворной работой, за которую еще и благодарны окружающие, жить становится гораздо интереснее и веселее. Так Катя в скором времени желающая стать вновь Пермяковой, с головой окунулась в свою новую деятельность по гармонизации душевной атмосферы всех жителей «Северного». И труды ее не проходили даром.

Этим же вечером она познакомилась с семейством Моро-

зовых-Зиминых, совершенно очаровала Лизу своей молодой непосредственностью и задором, вызвала несколько благосклонных улыбок невозмутимого Бриса. Даже Игнат-Брок, кажется, был в гораздо лучшем настроении, чем поутру и охотно поддерживал общую беседу на тему фольклора и русской национальной кухни.

Маша была в полном восторге от новой подруги, смеялась и шутила как прежде, раскраснелась, похорошела, отчего Броку даже стала приходиться в голову навязчивая мысль выпроводить всех гостей из дома, уложить детей спать и, наконец, остаться наедине с любимой женщиной хоть десять минут, пока снова не завозится в кроватке Мишутка.

Но даже малыши сегодня выглядели неожиданно повзрослевшими и окрепшими, уже уверенно держали головки, улыбались своим многочисленным «нянькам», глядели вполне осмысленно, вызывая всеобщее умиление и радость. Брис поцеловал Лизу в щечку, ласково поглядывая на округлый животик жены.

– Она, наверно, там все уже слышит, да? Как хочу скорее на руки взять мою малышку.

– Скорее не надо, лучше в свой срок. Она же крохотная еще совсем. Ей внутри тепло и безопасно.

– Пусть не волнуется, мы братика ей сделаем обязательно.

– Одну сперва дай родить... – смеялась Лиза, хотя в глубине души таилось смутное беспокойство, Впрочем, вполне обычное для ее состояния.

– Родим, родим... я рядом с тобой буду, ни на минуту не оставлю одну. Справимся вместе.

– Я еще не решила, Володя, и все же, думаю, это не самая лучшая идея.

Лиза всегда была против партнерских родов, особенно после одного случая в практике, когда пришлось приводить в чувство впечатлительного молодого «папочку». К слову сказать, роды у его худенькой супруги действительно выдались непростые. Доктор Морозова сразу же рекомендовала «кесарево сечение», но женщина слишком уж бурно настаивала на естественном ходе событий.

Все закончилось хорошо, слава Богу, но до этого «хорошо» было истрачено очень много мужских нервов, впрочем, как и женских, но так заведено в природе: «Живот болит, а дите родит. Горьки родины, да забывчивы...». А нервы врача-акушера? Их и вовсе в расчет никто не берет, работа такая, ничего не попишешь.

Конечно, Лиза не сомневалась, что Брису хватит спокойствия и выдержки поддержать ее в таком сокровенном деле как появление на свет их первого малыша, но вот эстетический аспект данного «мероприятия» вызывал у мамочки – врача серьезные сомнения.

Даже удивительно, что в этой новой обстановке, среди практически незнакомых людей Катя быстро освоилась и привыкла, легко влилась в небольшой дружный коллектив. Стала интересна и даже незаменима, как помощник, прият-

ный собеседник и надежный друг.

В «Северном» ей все нравилось, уже за неделю они стали с Машей не разлей вода. Да и с малышами поубавилось хлопот, животик у Мишутки стал меньше болеть, мальчик реже просыпался ночью, а Дашенька, та всегда была девочкой спокойной.

Днем Катя увозила деток спать на улицу, оставляя Машу с Игнатом вдвоем. Вскоре в семью Русановых вернулись мир и покой. Брок ходил довольный, женушка его потихоньку становилась прежней, даже еще более притягательной и желанной, отчего в личных отношениях произошли положительные перемены. Маша даже как-то призналась ему на ушко, что теперь испытывает новое, неизведанное до сих пор удовольствие от интимной близости.

Она стала гораздо смелее и активнее, оставаясь наедине с любимым, обоим стало казаться, что наступил второй молочко-медовый месяц. И тому было немало доказательств, так как порой после страстных любовных игр Брок бывал обильно залит Машиним молоком, которого у нее хватало с избытком на двоих ненасытных младенцев.

Это необычное обстоятельство поднимало Машу в глазах Брока чуть ли не на уровень женского божества, заставляя безмерно обожать супругу. Кроме того, заметно округлившиеся Машины формы просто сводили его с ума.

– А я-то, дурочка, думала, он меня разлюбил, – откровенничала Маша с Лизой в присутствии Кати, – нет, девочки,

даже не сомневайтесь, после рождения детей на любовь тоже остаются силы и желания, даже в большем объеме.

– И с новыми ощущениями... – добавляла мудрая Лиза, прищурившись на сияющую «мамочку».

– Точно-точно, я боялась сначала, думала, он меня уже не захочет так, как раньше, а получается-то все наоборот. А еще Брок сказал, что я сама отдалилась, а он беспокоить меня не хотел, переживал за нас. Девочки, я такая глупая была... Спасибо, что меня поддержали. Дальше у нас все будет прекрасно, я теперь твердо знаю.

– У всех все будет прекрасно, – расплывчато сформулировала Лиза и спросила будто невзначай, – а Иван давно к вам не заходит?

– Уже полмесяца не вижу его, сама переживаю. Как он там... один в лесу?

– Ему не привыкать, Брис с ним встречался недавно, все в порядке, говорит, пока в своем доме на озере поживет.

– Позвать бы его сейчас... – прошептала Маша, стрельнув глазами в сторону Кати, которая делала Дашеньке массаж, воркуя над пухлыми розовыми коленками.

– Не будем торопить события, – заметила Лиза, – сводня из меня никакая, а ты вообще к нему не подходи, мне Ольга рассказала, что он тут натворил, извращенец.

– Да, Ваня не очень виноват, это все я – курица мокрая, распустила нюни, да и что страшного случилось? Подумаешь, потыкался мне в грудь носом, как щеночек, не убыло

же... гм... ну, ладно-ладно, не ворчи.

Маша вдруг смущенно рассмеялась, а Лиза осуждающе покачала головой.

– Вот бесстыдница, скажи еще, что тебе понравилась забава и ты повторить не против, а если узнает Игнат, он же ему голову оторвет, жалеть не будешь потом?

Маша немедленно прекратила смех и теперь уже грустно посмотрела на Лизу.

– Жаль его стало. Он передо мной листочком осиновым дрожал. Я как мать дала грудь чужому ребенку, когда свои уже сыты. И ничего более... а теперь стыдно.

– Жалость такая, Машенька, очень опасное свойство имеет. Благими намерениями сама знаешь, куда дороги вымощены.

– Знаю, Лиза, прекрасно знаю, потому и выгнала его, когда на следующий день заявился, как ни в чем не бывало. Подснежники еще принес, а они между прочим, редкие охраняемые цветы.

– Ах, ты наш маленький эколог! Строгая защитница природы... – дразнила Лиза, потягиваясь в кресле.

– Ничего себе маленький, меня Игнат скоро на руки не поднимет, такую пышку!

– Еще как поднимет, видела раз, как на второй этаж тебя уносил, аж через две ступеньки прыгал... бабочкой залетел наверх.

– Так у меня тогда только животик появился, а сейчас и

здесь... и здесь уже все кругло...

Женщины смеялись, ворковали о своем, а Катя, слушая обрывки их разговора, невольно возвращалась мыслями к странному мальчику, который живет в дремучем лесу один-одинешенек.

Глава 5. На берегу

Подкрадывались теплые майские сумерки. Простившись с Машей и ее малышами, Катя уже хотела идти к себе в комнату вечеровать, но передумала.

«Утром дождик капал, дети спали дома, потом мыстряпали пироги, трещали на кухне... И так полдня просидела в помещении, хорошо бы перед сном прогуляться возле леса».

Она беспечно закинула сумочку подальше за спину и, обогнув лиственницы у домика Русановых, зашагала в сторону озера, поскольку с детства любила бывать у воды.

В деревне у бабушки Зои дом стоял недалеко от реки Исети. Катя рано выучилась плавать и много времени проводила на берегу. И здесь в заказнике озеро Дубровное тоже манило своей синеватой гладью, таинственными вскриками птиц, вечерним урчанием лягушек.

«Скорее всего, там где-то в камышах и лодки привязаны, попрошу, чтобы покатали меня, может, даже Игнат согласится, если будет в добром настроении».

Выйти в лодке на просторы открытой воды было давней Катиной мечтой. В таких путешествиях было что-то древнее, загадочное. А если еще летним вечером да выплыть на самую середину озера...

Ах, сердце сладко замирает – до чего же волнительно! Сразу вспоминаются рассказы Ивана Бунина, возникает

ощущение присутствия исконной русской старины, чего-то утраченного ныне и вдруг открывшегося здесь у сумеречного леса во всей своей превозданной прелестьи.

Сердце Кати забилося быстрее, она даже несколько ускорила шаг, а потом вдруг пустилась вприпрыжку до зарослей ивняка. Господи, как же хорошо жить, когда ты молод, свободен, полон сил и надежд! И все самое лучшее непременно ждет впереди. Вот-вот столкнешься нос к носу, только поверни за угол, раскрой глаза и увидишь...

Теперь уже медленным и размеренным шагом она шла вдоль густой поросли камыша, даже не подозревая, что в своем радостном порыве пропустила ближайšie мостки, а до следуюших еще оставалось немалое расстояние. В голове возникла четкая уверенность, что скоро рядом покажется прогалина и просмоленные доски, ведущие к самому озеру.

Но впереди все больше попадалось разросшегося ольшаника, а тропа становилась тоньше и вскоре исчезла. Понимая, что поселок остался далеко позади, Катя все-таки продвигалась вперед уже без дороги.

«Вдруг я сейчас стою в двух шагах от цели, обидно повернуть назад, зря что ли так далеко забралась».

Подбадривая себя вслух, она смело отодвигала ветки высоких раскидистых ив. Потом деревья неожиданно расступились, образовав что-то вроде высокого шатра. Под ногами показалась глинистая насыпь наподобие старой заброшенной дороги.

Сейчас же вспомнились рассказы Ольги о том, что лет десять назад на озере добывали ил-сапропель в качестве удобрений на колхозные поля, а вокруг озера соорудили искусственную дамбу. По ней-то и шла теперь Катя, затаив дыхание от легкого страха. И не мудрено, вскоре она отчетливо поняла, что возвращаться придется в полнейшей темноте, идти дальше уже не было смысла.

И ведь как нарочно впереди показались те самые деревянные колышки мостика, а заросли рогоза сбоку поредели, именно теперь легко можно было выйти к озеру.

«Ну, раз уж забралась в такую глушь, дойду до конца, омою ладони в священных водах Дубровного, так сказать, на удачу!»

Даже находясь одна на пустынном берегу посреди темнеющих зарослей, Катя старалась не терять чувства юмора. Она смело ступила на шаткие доски, старые и хлипкие на вид, а потом убедившись в их прочности осторожно подошла к самой воде и сейчас же обратила внимание на огромную, молочно-белую луну, зависшую над серединой озера.

«Вот красотища! В городе не увидишь такого чуда. Словно мраморный шар в бархатных ладонях ночи...»

Любила Катя красивые, поэтические выражения и, наверное, долго бы еще любовалась дивным небесным телом под стрекот кузнечиков, как относительную тишину леса вдруг прорезал заунывный вой где-то неподалеку.

От жуткого звука у Кати сами собой подкосились ноги,

пришлось тихонько сползти на колени. Какое-то время она сидела неподвижно на деревянных подмостках, расширявшихся у воды в маленькую площадку, а потом заставила себя подняться и пойти в ту сторону, откуда пришла.

Дрожа всем телом, она ступила на берег, и уже направилась по насыпи обратно, как вдруг увидела в полумраке на своем пути крупного волка. В том, что это был именно волк, она не сомневалась – выглядело животное точь-в-точь как волки на фотографиях и картинках, как в кадрах телепередач. Зверь стоял на дороге под пологом темных ивовых ветвей и смотрел на Катю в упор.

Катя медленно попятилась назад, а волк, бесшумно переступая лапами, двинулся в ее сторону. «Только не показывать своего страха, – мелькнула в голове мысль, – надо вести себя так, будто я ни капельки его не боюсь, надо зашуметь, закричать, и он сбежит... возможно».

Но встречать приближение зверя молчком оказалось просто невыносимо.

– Хватит! Хватит, уже ко мне подходить! – попыталась крикнуть она как можно более грозно и убедительно, но голос вдруг сорвался после первых же слов.

«Только не бежать от него, иначе догонит и...». Что будет, если волк догонит, Катя старалась не представлять.

В памяти тут же возник рассказ ныне покойной бабушки о том, как в "давнишние времена" голодные волки загрызли маленькую девочку на окраине села. Это внезапное воспо-

минание лишило Катю остатков мужества, а потому всхлипывая и пятясь на слабеющих ногах, она все же добралась до деревянной палки, воткнутой в землю возле мостика.

«Если волк подойдет совсем близко и бросится на меня, есть только одно спасение – прыгнуть в озеро. Плавать я умею, правда, вода еще очень холодная, но уж лучше утонуть, чем быть разорванной на кусочки».

Нервно оглядываясь на приближающегося хищника, Катя побежала по старым доскам, но вдруг почувствовала, что они подламываются под ее ногами, и в ту же секунду она по грудь провалилась в воду.

– Мама! Мама! – в ужасе кричала Катя, отчаянно хватаясь за обломки дерева, чтобы удержаться, а тело уже сковывал ледяной холод. «Сейчас он меня схватит, может, лучше нырнуть самой, пока еще цела...»

И в ту же страшную минуту она почувствовала, как чьи-то сильные руки тащат ее наверх из пролома, волокут по доскам на берег. Катю бил озноб, она слышала, как стучат ее зубы и совершенно не понимала, что происходит, когда вдруг увидела прямо перед собой незнакомое мужское лицо.

– Тебя чего понесло туда? Ты откуда здесь взялась? С луны свалилась...

Отвечать внятно Катя не могла, поэтому только утвердительно кивнула головой и с трудом промычала:

– Ту-ут во-о-олк!

– Где? – удивился мужчина, оглядываясь, – ты, наверно,

Старого испугалась.

Катя опять закивала головой, всем телом сотрясаясь от холода и пережитого недавно кошмара.

– Ну, дела... – протянул мужчина, а потом поднял ее на руки и куда-то понес.

Притиснутая боком к широкой груди незнакомца, Катя сжалась в комочек и попыталась успокоиться. «Дяденька, скорее всего, из ближайшей деревни, волк почувствовал, что у него есть ружье и убежал. Меня спасли, спасли, ура, я в безопасности!»

Она даже не сомневалась, что мужчина донесет ее до своей охотничьей стоянки или костра, а там уж она сможет как-нибудь согреться. Главное, что жива и родителям не придется ее оплакивать, а, значит, самое страшное осталось позади.

– Замерзла? – заботливо спросил незнакомец, еще крепче прижимая ее у к себе, – потерпи немножко, уже скоро придем, совсем чуть-чуть осталось.

– Может, я сама пойду, вам тяжело меня нести, – смущенно предложила Катя, исполненная благодарной симпатии к неожиданному спасителю.

– Да ты легкая, как одуванчик! Совсем не ешь ничего?

Она смутилась еще больше – у охотника был приятный тембр голоса, даже соблазнительно вкрадчивый и вместе с тем искренне добродушный. Сразу захотелось отвечать.

– Я ем... я вообще люблю покушать, просто у меня мама худенькая – и я такая в нее получилась.

Охотник отчего-то глубоко вздохнул.

– Сейчас ко мне придем, я тебя согрею и накормлю. Ты карасиков жареных хочешь?

Катя на мгновение задумалась, она не помнила, приходилось ли ей когда-то в своей жизни пробовать жареных карасей, но своему спасителю, пожалуй, следовало отвечать лишь утвердительно.

– Да, очень хочу, конечно!

– И чай горячий с медом, чтоб не заболела, – ласково продолжил он, поглядывая на дрожащую в его руках девушку.

– И... и чай бы не плохо, – тут же согласилась Катя.

– Эх, в баньку бы тебя сейчас, попарить хорошенько, да... вот бы и здесь баню поставить к зиме, – словно сам с собой начал он рассуждать.

Катя доверчиво прижала голову к его плечу и прикрыла глаза, несмотря на мокрую холодную одежду, отчего-то вдруг стало хорошо и спокойно.

Неожиданно ей показалось, что мужчина поднимается куда-то вверх по ступеням, Катя увидела, что находится у дверей небольшого деревянного дома. Спаситель пытался открыть дверь, все еще сжимая в объятиях свою ношу.

– Отпустите меня, вам же неудобно.

– Да уж придется, видимо, отпустить ненадолго, – улыбнулся незнакомец, пожав плечами.

Внутри дома было темно и пахло почему-то цветущей черемухой. Когда хозяин включил свет, Катя заметила на сто-

ле посреди комнаты брошенную охапку черемуховых веток с крупными белыми кистями.

– Их надо скорее в воду поставить, а то завянут и быстро опадут, а так еще постоят до завтра... аромат-то какой чудесный!

– Да я недавно принес, наломал на берегу, а потом показалось, что меня кто-то зовет с озера, вот я и побежал, а там ты барахтаешься. Давай-ка, раздевайся уже скорее, ты в мокром стоишь, я тебе сейчас одеяло дам.

Мужчина кинулся куда-то в соседнюю комнату, а Катя разулась, сняла носки, стащила набухшую от воды джинсовую курточку и растерянно взялась за края кофточки. «Не могу же я сейчас при нем догола раздеться...»

– Ты чего так долго-то, совсем замерзнешь, – укорил ее вернувшийся с одеялом хозяин.

– Ну-у... вы тогда отвернитесь, – шепотом попросила Катя, принимая объемный сверток из его рук.

– А... да, конечно, простите, – забормотал спаситель и тут же исчез в проеме, ведущем на кухню.

Катя полностью разделась, сложила свои мокрые вещи горкой у порога и торопливо закуталась в предложенное одеяло, а точнее, в китайский плед, внутри бело-розового пододдеяльника – «ух, ты, какой мягкий и теплый...».

Потом она забралась на диван рядом со столом и теперь сидела в углу, словно будущая бабочка в огромном коконе. Совсем скоро Катя окончательно расслабилась и согрелась.

Хозяин дома принес ей огромную кружку горячего чая с медом, что показалось Кате очередным рыцарским жестом с его стороны.

– Спасибо огромное, я же вас даже не поблагодарила. Вы спасли мне жизнь.

– Наверно, участь у меня здесь такая – девушек красивых из беды выручать. Только не надо больше говорить «вы». Называй просто Хати, ладно?

– Хати? Это же имя волка, да?

Неожиданная смелая догадка заставила ее поставить кружку с остатками чая на придвинутый к дивану стол.

– Вы что – оборотень? – неожиданно для самой себя выпалила Катя.

– Кто-о-о? – вытаращил глаза мужчина, вставая с другого края дивана и приближаясь к ней.

– Ой, простите, я не хотела вас обидеть, я никому не скажу, честное слово, только не сердитесь, я всегда знала что они существуют.

– Кто существует?

– Все... оборотни, лешие, русалки и домовые. Я одного сама видела в бабушкином доме, только мне никто не поверил. Он ростом с кошку, а личико сморщенное, как у старичка. Он на меня сердито посмотрел и юркнул куда-то за печку, я тогда еще в пятом классе училась, потом даже рассказ написала о нашей встрече, но в школе решили, что это лишь плод воображения.

В вас никто не верит, но я-то знаю, что вы прячетесь теперь, теперь кругом люди и техника, вам надо как-то выживать.

Она шутила ровно наполовину, ожидая реакции своего спасителя, но Хати был совершенно сбит с толку ее страстным монологом и, главное, он не понимал, как ему правильно себя вести с этой странной симпатичной девчонкой.

Признаться в том, что он просто человек, но ведь он же не просто человек... Подтвердить, что оборотень?

А вдруг это ее испугает и оттолкнет от него... или она, наоборот, будет только рада. Вот ведь история! Хати очень хотел понравиться незнакомке, будто упавшей с неба возле самого его дома, и потому решил действовать осторожно.

– А с чего ты решила, что я – оборотень?

– Так, сначала был волк, – задумалась Катя, – нет... сначала я услышала вой, а волк появился следом. А потом я упала, и ты меня спас, а волк исчез. Сейчас же полнолуние, особенная ночь... Это был ты?

И вдруг она поняла, что готова в самом деле поверить в сказку, настолько невероятным было вечернее приключение.

– Да-а-а, – растерянно протянул Хати, внимательно разглядывая ее румяное личико.

«В случае чего я скажу, что пошутил, тоже мне, выдумала – оборотень... Девчонка! Хотя ночь сегодня точно не простая».

– Так это правда, ты умеешь становиться волком? Насто-

ящим волком? – допытывалась Катя, саму себя ругая за внезапное косноязычие и настойчивость.

Душный черемуховый аромат сделал ее пьяно-смелой, иначе не стала бы задавать такие абсурдные вопросы.

Хати не выдержал и расхохотался во весь голос, у девчонки было изумленно-восхищенное лицо, на котором выделялись ясные глаза, словно два озера, а еще маленький полуоткрытый ротик, который... который хотелось немедленно поцеловать. А еще Волк заметил краешек белого плечика, ненароком выскользнувшего из-под одеяла.

Тут у него перехватило дыхание, в голову немедленно полезли образы женского обнаженного тела, закутанного в эту теплую тряпку. Ему даже показалось, что он чувствует особенный запах пушистых растрепанных волос, почти таких же русых, как у него, только, пожалуй, немного темнее.

– Ты бы все-таки цветы в воду поставил... – тихо сказала Катя, желая прервать затянувшееся молчание во время которого спаситель не сводил с нее странного взгляда.

– Какие цветы?

– Ну, вот же черемуха... жалко, если сразу завянут. Ты зачем столько много веток сломал?

Хати виновато вздохнул, а потом забежал по кухне в поисках подходящей посуды. Наконец вытащил из шкафчика первую подвернувшуюся кастрюлю и налил в нее воды, расплескав половину от спешки. Потом поставил свою металлическую «вазу» на стол и погрузил в нее цветущие ветви.

– Здорово! – похвалила Катя, с удовольствием вдыхая знакомый аромат.

– А откуда ты знаешь, что Хати – это имя волка?

Катя поерзала в одеяле, устраиваясь удобнее, словно готовилась к долгому разговору.

– Я читала скандинавские легенды. Мне они очень понравились, только Фенрира жалко. Знаешь, он тоже волк, только огромный и сильный, за что его приковали под землей? Он же ничего плохого не сделал, а боги испугались заранее и так наказали... авансом. Конечно, он обозлился! Руку Бальдру откусил.

– Откусил... – шепотом повторил Хати, снова садясь на диван поближе к ней, – я бы тоже их всех перекусал, если бы посмели меня так обмануть. А еще боги называются! Сплошь трусы и предатели!

Сказать честно, легенда о сыне бога Локи – могучем волке, прикованном в подземелье лишь за то, что по пророчеству он должен был погубить Асгард и весь мир богов, всегда вызывала справедливое негодование Хати.

– Они же его с самого рождения воспитывали, я уверена, он не мог бы им причинить зло! – продолжала возмущаться Катя, сверкая глазами.

– Не мог... – эхом произнес Хати, понимая, что через минуту вся душа его и все тело, все его мысли, чувства и желания до конца жизни будут принадлежать этой удивительной девушке, вздумавшей заступиться за древнего сканди-

навского волка из старинной легенды.

Наверно что-то такое восторженное отразилось вдруг на его лице, потому что Катя замерла на полуслове и уже насто-роженно поглядела на мужчину, который вдруг пересел на пол и теперь смотрел на нее снизу вверх.

– А меня Катей зовут... – просто сказала она, вспомнив, что еще не назвалась спасителю.

Теперь она смущенно улыбнулась, глядя ему прямо в глаза, и Волк в смятении опустил голову, понимая, что окончательно пропал. Только у женщины из его самых потаенных грез могло быть такое чудесное имя, столь созвучное с его собственным.

Какое-то время в комнате стояла томительная ломкая тишина.

– Ой, я же рыбой тебя обещал накормить! Вот дурак, ты же еще и голодная, верно?

Катя даже ответить ему не успела, как он исчез в кухне и принялся там хлопотать, шумя посудой.

«Что-то совершенно невероятное... Может, я сплю? Ночь, лес, волк, домик на берегу... а теперь Хати... Какой он удивительный, заботливый, симпатичный... странный... Оборотень!»

Катя потерла лоб кончиками пальцев.

«Невозможно! Всему должно быть разумное объяснение, хватит придумывать... Чудеса случаются, конечно, но, чтобы лично со мной... Что во мне особенного?»

Но одно Катя поняла точно – загадочного человека она уже никогда не сможет забыть, а ведь ночь еще только началась...

– Послушай, может быть, у тебя найдется во что мне переодеться, а то неловко сидеть в одеяле, я уже согрелась давно.

– Футболку я тебе дам, только ты в ней утонешь.

Он снова исчез и Катю в который раз удивило, с какой невероятной скоростью он передвигался по своему жилищу. Вот уже снова стоит рядом, держа в руках сверток.

– Возьми, вроде, самая маленькая из всех, а насчет штанов... даже не знаю, – голос его вдруг понизился до шепота и почему-то охрип.

– Может, трусы тебе свои дать, вроде как шорты оденешь? Да ты не стесняйся, что теперь делать, раз в воду упала, а твою одежду я сейчас на улице развешу, завтра оденешь сухое.

– Завтра? – неуверенно переспросила Катя.

– Ну, да! Ты же до утра здесь будешь, и вообще, зачем тебе куда-то уходить?

– Обо мне, наверно, будут волноваться, искать станут. Точно, Ольга придет вечером, а меня в комнате нет. Весь лагерь на ноги поднимется...

– Так ты из «Северного»? – поразился Хати. – Как же я сразу-то не понял!

– А ты думал, и правда, с Луны свалилась? – засмеялась она.

– Думал, хм... А ты в "Северный" зачем приехала?

– К Маше Русановой – с детишками помогать. Вместо мамы, она заболела.

– Вспомнил, Ольга говорила про бабушку...

– Ну, мама у меня молодая еще, и как бабушка точно не выглядит, – немного обиделась Катя.

– А-а... ты приехала одна? – допытывался Хати.

– Конечно, с кем же еще?

– А твой... мужчина не с тобой?

– Нет у меня никакого мужчины! – раздраженно ответила Катя, нахмурившись. – Это, что – обязательно, быть при мужчине?

– Нет, что ты, что ты – очень даже хорошо, что ты одна, то есть, в смысле... без друга.

Хати мучительно подбирал слова, казавшиеся ему сейчас правильными, а его сердце уже ликовало. «Она свободна и будет моей, никому ее не уступлю, никому не отдам. Только – моя!»

Его переполняли бурные эмоции, такую прекрасную девушку, действительно, стоило подождать. Знал бы он, что она придет к нему именно такая, то и жилось бы гораздо легче. И не нужно было бы лезть... Ой-й! Он вдруг со стыдом вспомнил свое последнее посещение Машиного дома. Грудь словно сжали стальные тиски, а вдруг «они» уже наговорили Кате о нем что-то плохое? Вдруг, она начнет его сторониться или предложит стать просто приятелем.

– Точно не переживу!

Оказывается, последнюю фразу своего внутреннего монолога Хати проговорил вслух.

– Ты про что? – спросила Катя.

– Если ты от меня откажешься...

– Я не откажусь! – убежденно заверила она. – Ты же спас меня от волка... или... ничего не понимаю, скажи честно, что был за зверь, там у воды, ведь не привиделось он мне опять, как домовой за печкой?

Хати начал рассказывать.

– Я зову его – Старый... Он когда-то был у них вожаком, а потом ослабел, ну, свои его вроде не выгоняли, даже едой делились, если что-то крупное перепало. Он сам ушел, я иногда подкармливал его раньше, а теперь Старый частенько крутится у моего дома, мы же теперь оба с ним... «одинокие волки». Меня тоже выгнали из стаи, понимаешь?

– А за что?

Хати вздохнул.

– Да за глупость мою. Не смог удержаться, сунулся, куда не стоило, дурак.

Тут Катя вспомнила еще кое о ком и задала новый вопрос:

– Скажи, а ты Ваню знаешь?

– Ваню? Какого... Ваню?

– Мальчика, что живет один в лесу... где-то здесь неподалеку. Может, ты его тоже встречал?

– Ах, мальчика в лесу... Это они тебе так, значит, объяс-

нили.

Хати вскочил с дивана, и чуть ли не кругами забегал по комнате, Кате показалось, что он разозлился не на шутку.

– И кто конкретно тебе рассказал про мальчика? Брок, да? Или даже Маша?

– Ольга, вроде бы... Я хотела его найти, поговорить... – Катя была немного испугана такой сменой его настроения.

– С кем – с кем поговорить? – насмешливо прищурился Хати.

– С Иваном. Вот, интересно, почему вы все – мужчины, так неприязненно относитесь к нему, а женщины в поселке – наоборот. Лиза и Маша его очень хвалили, Ольга много хорошего говорила, а Брок почему-то сердит.

На лице Хати появилась озорная улыбка.

– Девчонки хвалили, значит? Что ж, хоть это радует... Понимаешь, Катя... Иван – это я!

– Ты-ы?

– А что, не тяну уже на мальчика, да? Состарился невзначай?

Хати развел большие руки в стороны, склонил голову на одно плечо и с каким-то дерзким вызовом посмотрел на притихшую гостью. Катя смущенно отвела взгляд, ей вдруг стало жарко в своем одеяле, но она благоразумно закуталась в него еще плотнее. Стоящий перед ней молодой мужчина выглядел весьма интригующе. Высокий, стройный, спортивного телосложения блондин.

И даже глаза у него, кажется, были совершенно серого цвета, а уж если он улыбался...

«Прямо древнегреческий Бог, особенно, если его раздеть, просто скульптура работы какого-нибудь Фидия». Катя глубоко вздохнула и провела языком по вдруг пересохшим губам. Она не помнила, чтобы какой-то парень прежде вызывал у нее подобные эмоции.

– Ну, считай, Ваню ты уже нашла, – подвел итог разговору Хати, – одевайся, сейчас будем рыбу кушать и разговаривать. Ты же хотела поговорить с Иваном, я согласен. Подожди, сейчас тебе еще одежду поищу.

Глава 6. Хати

Из вороха вещей, которые хозяин приволок на диванчик, она выбрала ту самую "маленькую" футболку, оказавшуюся ей до колен, и рубашку на кнопках, которую пришлось просто повязать вокруг пояса. Давая гостье возможность спокойно переодеться, Хати ушел на кухню, откуда уже давно доносились аппетитные запахи. Скоро к нему присоединилась и Катя.

Прежде ей ни разу не доводилось видеть мужчину, занимающегося приготовлением пищи. Отец и бывший муж считали, что это сугубо женское занятие, впрочем, как и уборка дома, стирка, глажка, а также уход за маленькими детьми.

Оттого-то Катя и чувствовала себя немного не в своей тарелке, когда ей пришлось сесть на массивный деревянный стул и наблюдать за тем, как Хати ловко перекладывает поджаристых карасей со сковороды на широкое плоское блюдо.

– Есть хлеб, молоко... ты сметанку будешь?

Не дождавшись ответа, Волк поставил перед ней баночку со сметаной и пластиковую бутылку с молоком.

– Это ведь не из города привезли, а свое, местное, – похвастался Хати, весьма довольный собой, – ну, что сидишь, как принцесса, ты пробуй, пробуй...

– А разве рядом деревня есть? – удивилась Катя, деликатно облизывая ложку со сметаной.

– Деревня далековато, за лесом, а это я к местному хозяину на другой берег вчера плавал. Он мне за рыбу продукты дает: хлеб, молоко, – ну, все что нужно понемногу. Я еще ему помогал забор ставить и телятник поправил немного. У него раньше был другой работник, да загулял, а нового боится нанимать, вдруг опять пьяница попадется.

– Ммм... хозяин, в смысле, фермер? – уточнила Катя.

– Ну-у, Фомич так, вроде, говорил. Ты хлеб попробуй, он ведь тоже домашний... А еще мед, хоть и прошлогодний, все равно с магазинным не сравнишь.

– Здорово, – восхитилась Катя, отламывая горбушку с округлой булочки и намазывая ее медом, – а ты неплохо тут устроился.

– Да? Тебе у меня нравится? Так, оставайся со мной, – немедленно предложил Хати.

Катя отложила хлеб на маленькую тарелку и удивленно спросила:

– Меня же будут искать, у меня работа, Маша ждать будет... дети...

Катя вдруг растерялась, а что именно он хотел сказать своим странным предложением? Ничего себе, вот так запросто «оставайся у меня».

– И что? Буду тебя отвозить до поселка, а потом обратно.

– Как отвозить, на чем?

– На лодке, конечно, не идти же тебе целый час вдоль берега, ножки устанут.

– У тебя есть лодка? – выдохнула Катя в полном изумлении.

– Так, без лодки мне бы до рыбы и не добраться, – рассмеялся Хати, – мы второй год с Андреичем ставим «морды». Здесь карасей много, официально же вылов запрещен, Заказник как-никак.

– А вы почему тогда ловите? – насторожилась законопослушная Катя.

– Так мы сами как охраняемый вид... Коротков сказал, что нам можно, – Хати немного замялся, грустно улыбаясь.

Катя и раньше знала, что в поселке на территории заказника живут непростые люди, имеющие какие-то особые заслуги перед государством. Возможно, поэтому для них выделены специальные условия проживания. Она уже почти успокоилась, как вдруг где-то неподалеку с озера раздался протяжный глухой рев.

– Слышишь? Что это?

– Не бойся, это выпь – птица такая, сама маленькая, а воды в клюв наберет и орет как бык. Жутко, да?

– Да, уж... хорошо, что я сейчас с тобой, – поежилась Катя, – здесь вообще, наверно, неуютно одному, особенно по ночам?

– Я уже привык, – махнул рукой Хати. – Я здесь второй год, мне сразу у воды понравилось. Спокойно обычно, только весной лягушки донимают, устраивают свои концерты по вечерам. А еще уток слышу в камышах, их тут много, мы же не

охотимся. Но самое красивое время, конечно, когда полная Луна. Я даже на лодке до середины озера доплывал, кажется, вот-вот под ней окажусь, а она все дальше и дальше, будто заманивает, – засмеялся Хати, блеснув белыми зубами.

– Луна тут, почему-то, видится не так как в городе, – согласилась Катя, – слишком уж круглая и гладкая. И низко так висит, будто над самой водой. Здесь, наверно, когда-то жили русалки, и в такие ночи выходили на берег потанцевать или в воду кого-нибудь утащить. Из местных парней, например.

«Тебя бы точно уволокли, такого хорошенького... Ванечку».

Но Хати воспринял ее слова очень серьезно, с практической стороны.

– Некого им тащить было, люди ведь здесь прежде не жили, а до ближайшей деревни, Фомич говорил, больше ста верст.

– Бедные русалочки, вот они со скуки-то и покинули озеро, – пошутила Катя, совершенно расслабившись, – послушай, ты мог бы меня на лодке прокатить один разочек, а?

– Да, хоть каждый день, пожалуйста! И сейчас можно! Хочешь?

«Какой же он на подъем-то легкий, просто заводной...»

– Сейчас-то лучше не надо, ночь на улице.

– Ну и что? Луна же сегодня круглая и небо чистое, там совсем светло.

Хати пробежался взглядом по сомневающейся Кате с ног

ДО ГОЛОВЫ.

– Теплее одену тебя, не замерзнешь...

– Нет, давай завтра, я сейчас уже засыпаю, опять в воду свалюсь.

– Купаться рановато, это точно, вода холодная. Завтра, так завтра. Ну, что остаешься у меня насовсем?

Катя медленно помотала головой из стороны в стороны.

– Хати, это странно как-то...

– А что тут странного? Брок быстренько в Машин домик перебрался, Лиза стала жить с Брисом, а мы почему не можем быть вместе?

Катя задумалась, переведя взгляд на темное окно. По телу невольно пробежала дрожь.

«Только не показывать страх... С Иваном явно что-то не так, поэтому его и поселили одного, подальше от лагеря. Но ведь он выглядит милым, добрым парнем, хотя мне сначала показалось, что он намного старше, это пока он молчал и не улыбался, а теперь я даже не знаю, что и думать...»

– Слишком тороплюсь, да? Напугал? Вот дурак. Катя, прости.

Он досадливо стукнул себя раскрытой ладонью по лбу, с грохотом бросил посуду в раковину, вытер руки полотенцем и подошел к окну.

– Я же могу объяснить. Просто я так долго тебя ждал, что даже на полдня отпускать не хочется.

– А почему ты решил, что это именно я, ну... та, которую

ты ждал? – осторожно спросила Катя, раздумывая, не начать ли ей уже волноваться за исход этой ночи.

Хати круто повернулся к дивану.

– Конечно, ты, – я это почти сразу понял. Еще когда ты сказала, что свалилась с Луны...

– Я же не говорила такого!

– Ты не отрицала.

– Как и ты не отрицал, что умеешь в полнолуние превращаться в волка? Но это же не так?

– А ты уверена, что не могу?

– Докажи!

– Что, прямо сейчас, здесь?

– Ага! Давай! – подзуживала Катя.

– И тогда ты останешься со мной? – уточнил Хати.

– Непременно останусь!

– А не испугаешься?

– Тебя или волка?

– Нас обоих!

– Не испугаюсь!

Катя замерла в предвкушении. "Эх, была не была..." Наконец-то в ее жизни происходило что-то по-настоящему загадочное и мистическое. Показалось, что если она сейчас отступит, то шанс узнать больше никогда не вернется. Здесь, в незнакомом лесу, на берегу темного озера в компании странного парня она бросала вызов сама себе, своим страхам, сомнениям, комплексам. Всей привычной системе обыденных

представлений о реальном мире.

Она остро чувствовала, что в это мгновение где-то совсем рядом находится та самая грань между сказкой и былью, что манила ее с детства, и не хотела терять возможность хотя бы заглянуть за эту черту между мирами. Если она и впрямь существует... Так хочется верить в чудо.

А Хати не сводил с гостыи потемневших глаз с расширившимися вдруг зрачками. По его позвоночнику вниз от шеи медленно полз легкий холодок. Сердце начало отчаянно разгоняться, словно перед решающим броском на ускользающую добычу. На секунду ему показалось, что он и впрямь способен превратиться в Зверя. Ведь его будущая женщина, кажется, действительно этого хотела. Она ждала...

И Хати сделал то, что в самом деле отлично умел. Да проще простого! Он настежь открыл окно в кухне, прыжком взобрался на широкий подоконник и, глядя на белый шар луны над озером, громко и протяжно завыл. Ему тотчас ответили несколько пар голосов далеко в лесу. Но его-то песня была особенной, что прекрасно понимали остальные, сейчас это был торжествующий клич дерзкого, самца в расцвете сил наконец-то отыскавшего свою самку.

Это был вопль победителя, выигравшего смертельную схватку с врагом. Песня любви и отваги... Катя должна была оценить. Но, когда он повернулся с торжествующим видом, то увидел, что она сидит, обхватив себя дрожащими руками, смертельно бледная с огромными испуганными глазами.

Хати тряхнул головой, приходя в себя, а потом метнулся к ней.

– Нн-не подходи, – прошептала Катя, поднимаясь и начиная пятиться от него к дверям.

Она неловко зацепилась за стул и покачнулась в сторону. Хати тут же поймал ее, подхватил на руки и вышел с ней вместе в гостиную. Там он запрыгнул на диван, усадил дрожащую девушку себе на колени и начал, как мог, успокаивать ее, ругая себя в душе последними словами.

«Надо же мне было поддаться на ее уговоры! Она сама не верила, просто дразнила меня, уж мог бы все перевести в шутку, а сейчас она и вовсе не захочет общаться. Сам все испортил, дубина!»

– Катюш, прости меня. Прости, пожалуйста. Сам не знаю, что за блажь, я удивить тебя хотел, не думал, что так все получится...

Обнимая его за шею, Катя плакала как ребенок, который заплутал в чаще и после долгих мытарств выбрался к теплому жилью.

– Так люди не умеют, ты и правда оборотень, я теперь точно знаю, что они где-то есть. Я больше не буду тебя просить, это я виновата, а не ты. Я глу-у-пая...

Видеть ее слезы Волку было совершенно невыносимо. Желая еще больше утешить, Хати ласково гладил ее волосы, целовал в макушку, в щеку, а потом их губы неожиданно встретились...

Они потянулись друг к другу, словно Адам и Ева в райском саду, когда у них наконец-то открылись глаза. Словно единственные люди на всей планете – мужчина и женщина. Словно две половинки одного целого, которым уже невыносимо было оставаться разделенными. Слова подобрать не удалось, а детальный разбор своих ощущений Катя решительно оставила «на потом».

Сейчас хотелось наслаждаться каждым моментом, чувствовать руки и губы Хати на своей коже, упиваться его дыханием. В ней будто проснулась совершенно другая Катя – смелая и откровенная, щедрая на ласки, жадная до прикосновений. Желаящая непременно получить всю радость близости.

Хати видел ее опущенные ресницы, слышал частое дыхание на своей щеке и понимал, что эта нежная, теплая девушка готова ему полностью принадлежать. Но когда Катя почувствовала, что он уверенно располагается сверху, то немедленно напряглась, готовясь встретить привычную боль. Даже ласковый шепот не сразу исправил ситуацию.

– Тш-ш, ты чего так дрожишь, я же осторожно, не бойся... У тебя вообще это было?

Он напряженно замер, ожидая ее ответа.

– Да, только уже давно и мне это не очень нравилось обычно, – тихо призналась Катя, сгорая от нахлынувшего вдруг стыда.

– А ты сейчас хочешь?

– Хочу... с тобой хочу, правда, я постараюсь... я буду, – шептала она, удерживая Хати за плечи, как будто он собирался сбежать от нее, – только у меня ничего не получается, прости... я не умею настоящее удовольствие получать.

– Так чего тут уметь-то? – искренне удивился он, не совсем угадав истинное значение ее слов, – особенно тебе... ты успокойся да лежи себе тихонько, я же все сам сделаю. Ножки подними вот так повыше, а теперь впусти меня, откройся и все... Уметь она чего-то собралась! Мне уметь надо, я же мужик.

Хати тихо рассмеялся и снова поцеловал Катю в губы. Он сказал все это легко и просто, вел себя насколько естественно, что ей вдруг стало спокойно и она полностью ему доверилась. Особенно помогли его слова, что надо всего лишь открыться и принять...

А потом Катя почувствовала его в себе и это оказалось настолько не похоже на то, что было у нее прежде, так удивительно приятно, что она тихо застонала, прижимаясь лицом к твердой груди Хати. И он тут же откликнулся на ее робкую ласку горячим срывающимся шепотом:

– Здорово, да? А мне-то как с тобой хорошо...

От неожиданного одобрения Катя, привыкшая лишь к недовольным возгласам Антона, вдруг вся сжалась внутри, и Хати почти сейчас же опустился на нее всем телом, резко вздрагивая.

– Ах, ты-ы... сладкая... а говоришь, не умеешь. Я же не

собирался так быстро, ты что творишь со мной? Я прямо как пацан отстрелялся. Раз-два и готово.

Улыбаясь во весь рот, Хати тяжело дышал, а потом принялся осторожно покусывать ее за шею, и Катя поняла, что "это" закончилось.

«Антон обычно целый час меня мучил, неужели все бывает так волшеббно-приятно и даже сразу еще хочется. Но что теперь подумает Иван...».

– Я плохо поступила? – осторожно поинтересовалась Катя, в то же время ужасно боясь чем-то обидеть его.

– Что быстро все получилось? Ну, и так бывает... Да ведь я же не на один раз. Сейчас снова тебя любить буду, и тебе тоже сладко сделаю, – со смехом пообещал Хати, – давай, только диван разберу и принесу еще одеяло.

– До рассвета, знаешь, еще столько всего можно успеть... и быстро и медленно... и как захочешь. Да и после рассвета тоже, куда нам спешить?

Он ласково улыбнулся и подмигнул ей, а Катя смутилась.

«Как он может так запросто все объяснять, будто речь идет о самых обычных вещах, о стряпне какой-нибудь или прогулке за руку...» – поразилась Катя.

Они уснули только под утро, когда над озером уже сошел туман и заалела ранняя зорька.

Катя проснулась первой и некоторое время с удивлением рассматривала окружающую ее обстановку, особенно большого обнаженного мужчину, развалившегося рядом. «Что же я вчера натворила, улеглась в постель с первым встречным – в лесу, и мы даже не использовали никаких специальных средств... Ну и ладно, дети у меня все равно не получаются, а Хати, наверняка, ничем плохим не болеет».

И все-таки ее мучило немалое чувство вины и досады. Вся жесткая система моральных принципов трещала по швам.

«Отдаться мужчине на первом же свидании, даже не на свидании, а просто так... при случайном знакомстве. Из воды вытащил, рыбкой накормил и я уже на все согласилась.

Просто потеряла голову как..." – Катя отчаянно желала вспомнить какой-нибудь достойный пример из классической литературы, – как героиня в рассказе И. Бунина «Солнечный удар».

– Да, точно! Только в моем случае удар был лунный. Ого! Вот это сравнение! В таком случае, может, не следует себя так уж сильно корить за произошедшее?

Бунинская-то героиня – замужняя дама и с детьми, а я кто? Без пяти минут свободная женщина – «разведенка».

Слово это больно кольнуло грудь в области сердца. «А ведь думала раз и навсегда замуж... и верна до гроба, жизнь

все по-своему устраивает. Хати чудесный... никогда мне прежде не было так свободно и хорошо с мужчиной. И что же теперь... А теперь, милая, вылезай из теплой постельки и беги за своей одеждой, что сохнет на улице».

Катя прислушалась к веским доводам разума, скользнула с дивана, отыскала среди брошенной на коврик одежды свою вчерашнюю футболку и клетчатую рубашку, – торопливо оделась. Потом, стараясь двигаться как можно тише, чтобы не разбудить Хати, выбралась во двор.

Но не успела она и пары шагов ступить по направлению к веревке, на которой покачивались на ветерке ее вещи, как взгляд Кати наткнулся на внушительную фигуру Брока. Тот сидел на огромном бревне у берега и обтачивал ножом ивовый прутик.

– Д-доброе утро! – вежливо поздоровалась Катя, поежившись от утренней прохлады.

– Ну, раз доброе, значит доброе, – неопределенно проговорил гость, прищурившись на нее.

– Не обидел тебя хозяин? – Брокивнул головой в сторону домика.

Катя молчала пару секунд, обдумывая его слова – «елки-палки, какие же они тут все прямолинейные!».

– Нет, у меня все хорошо...

– А почему же не отлично? – широкие брови Брока поползли вверх, во взгляде стояла снисходительная усмешка.

– И отлично скажу, не ошибусь, – в тон ему почти безза-

ботно ответила Катя.

– А ты хозяйина не обидела часом?

– Если только самую малость, – она сузила глаза, быстро освобождая с веревки свое белье, джинсы и кофточку.

– Домой-то когда? – Брок двинул головой в сторону базы.

– Мы потом вместе придем... или на лодке приедем, – Катя старалась говорить уверенно.

– Ну, если на лодке, тогда конечно, – открыто усмехнулся Брок, – а, может, прямо сейчас со мной вернешься? Ох, и наделала переполоху, знала бы какой Ольга шум подняла... ты же в своей комнате не ночевала.

– Мне ужасно неловко за ваше беспокойство, но вчера все неожиданно получилось, я по берегу ушла далеко, а потом... эм-м... провалилась в воду на мостике, и Ваня меня спас. Возвращаться было поздно, а тетя Оля сказала, что будет у Алексея Викторовича, вот я и подумала, что меня не хватит до утра, – скороговоркой выдохнула Катя.

– Да-а-а, – протянул Брок со вздохом, – это он умеет... красных девиц спасать. Угодил хоть тебе?

– Э-эм, в смысле угодил? – Катя вдруг начала стремительно краснеть, не зная как правильно понимать двусмысленный вопрос.

– Ладно! – потягиваясь, Брок поднялся с бревна, – заходил я к вам, пока вы спали, двери вообще-то запирать следует на ночь, учти на будущее. И еще... имей в виду, если что не так, сразу говори мне, я с ним живо разберусь, мало

не покажется.

Катя быстро закивала головой, со всем соглашаясь, ей было очень неловко стоять перед изучающим взглядом Медведя, прижимая к груди свое скомканное нижнее белье и остальные вещи.

– Ладно-ладно, – обреченно повторил Брок, – я пойду – народ успокою, скажу, что жива и здорова наша Катерина, ждите только к вечеру.

– Спасибо, Игнат! Я думаю, раньше доберемся...

– Да уж отдохайте, чего там... Кстати, чуть не забыл, сумку свою возьми, нашел возле мостика в кустах.

Катя восторженно пискнула и принялась благодарить. Наедине с Броком она всегда чувствовала себя немного скованно, как первоклашка перед строгим завучем. Наконец широкая спина гостя скрылась в зарослях, а Катя вернулась в дом, аккуратно развесила свою одежду на стуле и с нескрываемым удовольствием натянула трусики.

«А что теперь делать?», – на мгновение она от души пожалела, что не пошла с Игнатом в поселок. Но с другой стороны рассудить, вот Хати проснется, а ее нет. Так тоже поступать некрасиво... Он ее вечером спас, накормил... полюбил так приятно, а она утром сбежала, ни слова не говоря. Нет, так нельзя!

Катя была девушка вежливая и воспитанная. Поразмыслив немного, она сняла с пояса рубашку и, оставшись в длинной футболке Хати, тихонечко пролезла под одеяло, наде-

ьясь еще немного подремать, пока хозяин дома спит. Однако ее намерениям не удалось сбыться. Видимо, почувствовав движение девушки, Хати немедленно открыл глаза и тут же притянул на себя немного ошеломленную Катю. Голос у него был грозный:

– Ты что задумала, отвечай? Сбежать от меня хотела?

– Я за одеждой ходила...

– Ой, ручки-то замерзли у нас, и носик тоже... Зайчик ты мой маленький, давай-ка я тебя согрею! Снимай уже эту тряпку, – он решительно стащил с Кати футболку, а потом уверенно опустил ладонь чуть ниже поясицы.

– Трусики-то зачем надела, мы же сейчас опять любиться будем...

– А это, чтобы тебе добраться труднее было, дяденька Серый Волк, – Катя чувствовала, что хмелеет от одного только голоса "спасителя", – он делал ее невероятно раскрепощенной и жадной до новых интимных экспериментов.

– Добраться? – искренне удивился Хати, а затем одним резким движением разорвал тонкую эластичную ткань, после чего быстро перевернул Катю навзничь на постель и оказался сверху.

«... где впервые глазами волчьими ты нацелился мне в лицо», – пару секунд Катя смаковала в голове фразу из стихотворения Марины Цветаевой, а потом и вовсе потеряла способность думать и что-то вспоминать, подчиняясь древнему ритму, что испокон веков направляет танец двух тел – жен-

ского и мужского по дороге блаженства.

Потом Катя лежала на руке Хати, прижавшись спиной к его груди, улыбалась, чувствуя, как свободной рукой он поглаживает ее волосы, голое плечико, мягко сжимает грудь...

– Мой нежный хищник, – тихо прошептала Катя, неизвестно откуда пришедшие на ум слова. И тут же вздрогнула от неожиданного видения, яркой вспышкой промелькнувшего в ее голове:

«Луг, заросший невысокой травой и голубенькими полевыми цветами, узенькая извилистая тропинка, а по ней идут двое – стройная девушка в охотничьем костюме времен Робин Гуда и рядом с ней волк. А впереди очертания средневекового замка...»

Вдруг в одно невероятное мгновение Катя «увидела» весь сюжет книги, с самой первой главы до эпилога. Это был любовно-фантастический роман в готическом стиле. Роман – сказка, красивая, чувственная история... Фэнтези...

У нее перехватило дыхание, она даже зажмурилась и тотчас снова «увидела»... На сей раз именно книгу, новенькую, только что из типографии. Кате даже показалось, что она чувствует этот волнующий запах краски на еще никем не читанных страницах.

И глянцева обложка... почти та самая первая картинка-видение, где русоволосая героиня в нарядном женском платье, присев на колени, протягивает руку волку, склонившему перед ней лохматую голову.

И название золотыми тиснеными буквами: «Мой нежный хищник». И автор: Екатерина Пермякова. Задыхаясь от волнения, она повернулась к Хати:

– Слушай, у тебя дома есть ручка и бумага, мне нужно срочно что-то написать!

– Нет... нет, кажется... а зачем? – смачно зевнул он.

– Хати, мне нужно скорее вернуться к себе в комнату! – настаивала она.

– Да что случилось-то, сон приснился плохой?

– Напротив, замечательный сон, – Катя рассмеялась и, не сдерживая больше эмоций, страстно поцеловала его в губы, а потом еще и еще раз, – ты даже не представляешь, как я хочу это все записать и напечатать на ноутбуке, а потом оформить как книгу. Настоящую книгу, и если мне повезет...

– А я тебя хочу, каждый день и каждую ночь...

– Это будет история про волка. Моя история, понимаешь? Именно моя! Вставай, пожалуйста, нам скорее нужно добраться до письменного стола.

– Ну, раз надо... я всегда готов, – Хати, правда, не очень понимал зачем понадобилась спешка, но ведь Катя просит, значит, придется доставить ее в поселок на другом берегу.

Уже выходя из дома, Волк обратил внимание на сумочку, что надела она на плечо.

– Это что же у тебя – кораблик?

– Да-а... это «алые паруса», знаешь такую сказку?

– Слышал, мне рассказывала Маша, – улыбнулся Хати.

При упоминании о Марии Русановой, Катя вдруг ощутила небольшое раздражение, ее радужное настроение, кажется, начинало вянуть, как черемуховые кисти, прошедшие ночь на окне.

«Что у него может быть с женой Игната? Но вдруг Ваня тайно любит Машу, а она недоступна, вдруг я только развлечение от тоски, от невозможности быть с настоящей возлюбленной?»

Эти вопросы мучили ее всю дорогу до лагеря.

Не радовала уже ни долгожданная поездка на лодке, не веселая болтовня спутника. Наконец, Хати почувствовал Катину замкнутость и тоже надолго замолчал, бросая пытливые взгляды на спутницу. До берега оставалось совсем недалеко, когда он бросил весло на дно лодки и заговорил снова.

– Что происходит? Почему ты молчишь? В чем я виноват?

Она со стыдом вспомнила сколько раз задавала подобные вопросы бывшему мужу, пытаясь расколоть его ледяную отстраненность.

«Что же я делаю, дрянь! Не успели познакомиться, уже вместе легли, а теперь и себя и его мучаю из-за своих комплексов. Я не имею права его ревновать... Если Хати любит Машу, все пойму. Я всегда всех понимаю и готова помочь, а что у меня на душе – это лишь мое дело. Со своими чувствами разберусь сама, ни на кого вешаться не буду. Подумаешь, провели ночь в одной постели голышом, что же теперь и любовь до гроба? Ничегошеньки он мне не должен,

только пусть скажет правду».

– Ваня! – она строго посмотрела в серые глаза напротив, – ты Машу любишь?

– Конечно, люблю, – немедленно ответил он, и Катино сердце на миг перестало биться. – Да, она же мне как сестра или теперь как мамка, наверно. Я там немного учудил в их доме.

Хати вдруг расхохотался, зажмурившись, и качая головой. Катя совсем растерялась. Вообще-то о любимых женщинах так не говорят – мамка... сестра какая-то.

– Нет, скажи, ты ее по-другому любишь? – допытывалась Катя. – По-настоящему, как мужчина? Ты страдаешь из-за нее?

На короткое время Хати задумался.

– Ну, пришлось поволноваться, конечно, она же выгнала меня и сказала, что видеть не хочет... – он грустно вздохнул, и в Катиных глаза защипало от непрошенных слез.

– А со мной тогда зачем все это? Просто под руку подвернулась?

Она закрыла лицо руками, всхлипывая. Хати на миг остолбенел, а потом лодка накренилась от того, как быстро он кинулся на другой конец.

– Катюш, ты чего, а? Маша тут при чем? Мы же с тобой вместе... Кать! Я люблю тебя, больше жизни люблю... ты моя Луна, я вечность тебя ждал, только о тебе и думал, мечтал о тебе, представлял перед сном, как встречу на озере.

Меня Лиза научила, что надо представлять нашу встречу и тогда она непременно сбудется. И когда ты появилась, я даже не понял сразу, а потом... луна, разговоры про волков, наша ночь и утром твой кораблик. Это же все сошлось, все приметы. Ты моя судьба!

– А – а, М-маша кто? – пробормотала Катя, пытаясь уловить смысл в его сбивчивом рассказе о каких-то предсказаниях.

– Маша – друг, – горячо убеждал он и вдруг вспыхнул:

– Да не знаю я, что еще про Машу сказать, ну, поцеловал я ее разок втихаря, самому стыдно вспомнить. Хочешь, я Брокку признаюсь, он меня поколотит, я сопротивляться не буду, хочешь – скажу? Вот прямо сейчас приедем и пойду к нему. Попрошу только, чтоб по лицу не бил... и ниже пояса тоже, а то как я тебя потом любить-то буду...

Катя не выдержала и смущенно рассмеялась сквозь слезы.

– Душа нараспашку... Что ж ты такой откровенный?

– А чего кривить, что думаю, то и говорю. Кать, ты же мне веришь?

Катя кивнула, стирая соленые дорожки со щек. Следующие несколько минут они с Хати горячо целовались в лодке, и он уже представил, как они будут сейчас ласкать друг друга, покачиваясь на воде, но с берега все это действие было бы как на ладони. Кате могло не понравиться...

Она скромная и немного застенчивая. Хати уже это хорошо понял, а значит, нужно поскорее причалить и отвести

"луну" к коттеджу. Возможно, там им удастся побыть наедине. А еще бы неплохо, в самом деле, пообщаться с Броком. Катя сообщила, что он приходил утром, значит, пора нанести ответный визит и уже выяснить, наконец, отношения с семейством Русановых.

К тому же Волк откровенно соскучился по их ребятишкам...

Глава 7. В привычное русло

Брок отложил рубанок и пару минут любовался своей работой, разглядывая гладко оструганное бревно. Вот уже неделю они с Брисом строили баню неподалеку от берега. Материалы им привезли еще в начале мая, а теперь благодаря стараниям двух мужчин сруб был почти готов. Осталось крышу приладить и печь сложить. Внутреннее убранство – мелочи, доски для полка давно готовы.

Брок и сам не понимал, откуда в нем проявилась строительная сноровка – умение добротнo и основательно прилаживать к дереву рабочие инструменты, которыми, кстати, снабдил полковник Коротков. Так еще и обычную косу где-то раздобыл, будто чуял в подопечном крестьянскую хватку.

Водитель Белоногов тоже часто заезжал в гости, наблюдал за тем, как растет в вышину просторный сруб, давал дельные советы, а то и сам брался за пилу, похваливая:

– Золотые у тебя руки, парень, и голова на месте. Жду, когда париться пригласишь!

Сейчас Брок отодвинул ногой горку золотистых стружек, чей запах привычно радовал сердце, вызывая смутные воспоминания из самых сокровенных глубин памяти, и вытер пот с разгоряченного лица. Вдруг внимание его привлекла пара молодых людей, направлявшихся к нему со стороны бе-

рега. Похоже, что Хати тащил девушку за собой, а она упиралась и совершенно не желала двигаться вперед.

"Что творит, паразит!"

Узнав вредного Волчонка, Брок нахмурился, а уж когда расслышал сердитые возгласы девушки, стиснул зубы и сжал кулаки.

– Не пойду, пусти, не хочу сейчас, – хныкала Катя, тщетно пытаюсь освободить руку из лапищи Волка.

– Нет, я тебе докажу... – твердил тот, и завидев товарища, направился прямо к нему.

Тогда Брок с силой загнал топор в искромсанный березовый чурбачок и коротко приказал:

– Ну-ка оставь ее! Сейчас же отпусти, голову оторву! Слышишь?

Волк нехотя выпустил Катину ладошку и остановился, сосредоточенно глядя на разъяренного Медведя. Но Брок и не думал начинать с ним какой-то разговор, все его внимание почему-то переместилось на растрепанную гостьюшку.

– Катюша, миленькая ты моя, как же я соскучился-то по тебе, солнышко ненаглядное! Что так редко показываешься...

На мгновение Хати застыл на месте, ведь поведение старого приятеля явно выходило за рамки обычного. Но дальше случилось что-то и вовсе невероятное, Брок шагнул вперед, подхватил Катю за талию, приподнял над землей и смачно поцеловал в сомкнутые губы. А потом бережно поставил на

место, чуть виновато заглядывая в ее растерянные глаза.

Такой лютой засады нельзя было ожидать... Хати окончательно расвирепел и бросился вперед. Отталкивая Катю одной рукой, он метил кулаком левой в лицо Брока. И ведь даже попал, но слегка покачнувшись, тот устоял на ногах и рывкнул, схватившись за челюсть.

– Ах, ты щенок паршивый! Ну, держись!

Хати вообще-то повезло. Он каким-то чудом увернулся и удар Медведя пришелся по скуле вскользь, однако этого хватило, чтобы парень полетел на траву носом вниз. Брок двинулся было к нему, но неожиданно перед ним выросла разгневанная Катя. Глазищи ее сверкали, ладошки сжались в кулачки.

– Не смей его бить, не смей... Дур-рак!

Пожалуй, это было единственное допустимое ругательство в ее богатом арсенале осуждающих выражений русского языка. И вряд ли ей вообще доводилось его применять, разве только в детстве, когда мальчишки в первом классе дергали Катю за длинные косы и дразнили каким-то непонятным «пермяком» из-за фамилии.

Хати быстро поднялся с явным желанием взять реванш, но Брок отступил назад и уже почти спокойно сказал:

– Ага, не понравилось оказаться в моей шкуре? Понял, что бывает, когда кто-то пытается облизывать твое родное и любимое, а тебе не позволяют за это даже язык оторвать. Дошло наконец до твоей дурной головы, пока она еще на ме-

сте? Думаешь, я тебе Машу легко простил? И она тоже переживала из-за твоей глупости.

Хати опустил голову, продолжая обнимать дрожащую Катю, которая вдруг прильнула к нему всем телом, обхватила за шею, кажется, собираясь плакать.

– Ладно, теперь мы с тобой вроде бы как в расчете, да? – продолжал Брок, потирая челюсть, видимо, Хати все же здорово к нему приложился.

– А заступница у тебя – молодец! Горячая девчонка...

Вдруг, словно опомнившись, Брок закрыл лицо руками и глухо проговорил:

– Ты меня извини, Катя, я же не со зла, не в насмешку... пошутить хотел... Наверно, не очень удачно вышло.

Продолжить неловкие извинения у него не получилось, потому что рядом раздался знакомый сердитый голос:

– А папочка-то у нас, оказывается шутник! Я тебя сейчас покажу горячую девчонку, такую девчонку тебе покажу, закачаешься.

Из-за развесистой лиственницы показалась Маша с дочкой на руках. Похоже, все споры происходили на ее глазах, в том числе и дерзкая выходка Брока по отношению к Кате.

– Ты что здесь вытворяешь? На людей опять кидаться начал, на девочек молоденьких потянуло, иди сюда, иди, иди, поговорим, а лучше дома... Это же надо придумать такой извращенный способ мести! Чего я еще о тебе не знаю, дорогой?

Напоследок сверкнув глазами, Маша развернулась и быстро пошла в обратную сторону.

– Ему значит можно драться, а мне нет... и все остальное тоже... ну, пошли поговорим, раз ты хочешь, – неуверенно пробормотал Брок и бросился вдогонку.

– Достанется ему сейчас, – захихикал довольный Хати, облегченно выдыхая. – Хорошо, что врезал мне, я заслужил. А вот все остальное, это уже перебор. Катя, прости, что тебя втянули в наш разборки. Плохо получилось.

– А он Машу не обидит? – забеспокоилась она, думая прежде всего о других.

– Не-ет, это ему полотенцем достанется!

– Как неприятно, одни проблемы от меня, – вздохнула Катя.

– Так и от меня тоже, – радостно подхватил Волк, – да ну их всех, давай лучше обратно ко мне укатим, хочу с тобой голышом обниматься, здорово было, правда?

– Ой, у тебя такая штука на лице сейчас проявится, пошли скорее к Лизе, пусть она мазь какую-нибудь даст, примочку сделаем, – заторопилась Катя, со страхом поглядывая на багровеющий след от кулака Брока.

– Некрасивый стал, теперь любить меня не будешь? – расстроился Хати.

– Не за красоту же любят...

– А за что?

– Не по милу хорош, а по хорошу мил, – старой рус-

ской половицей ответила Катя, увлекая друга в сторону медпункта. Хотя, вернее сказать, в кабинет медицинского осмотра превратился уже сам домик, где проживала Лиза.

Пока доктор Морозова хлопотала над Волком, Катя сбегала в свою комнату, помылась в душе, сменила одежду, вообще привела в порядок себя и свои мысли. Оставалось найти в сумке ручку и чистенькую клетчатую тетрадь, которую она брала во все свои поездки, надеясь на интересный сюжет, что вдруг придет в голову.

Катя села за маленький стол у окна и... поселок «Северный» перестал существовать, поскольку сознание ее переместилось совсем в иной мир, во владения Барона Веймара, последнего отпрыска древнейшего рода де Лостан, из поколения в поколение передающего потомкам способность становиться настоящим волком.

Кате вдруг показалось, что не она пишет эту книгу, а книга пишется через нее сама. Строки струились грифельными реками по белым листам, выстраивая на бумаге сюжет за сюжетом, образ за образом. Словно сверху, над русой головой автора открылась невидимая дверь и какой-то незримый Дух шептал каждое слово, каждое предложение. Это было восхитительное чувство сродни полету.

И рука ее порхала над столом, оживляя в тетрадке каждую сцену, от первой встречи Веймара с Катариной, до ее прогулок с бароном, находившимся в образе волка, которого девушка считала самым обычным, правда, весьма дружелюб-

ным зверем, а вовсе не человеком-оборотнем. Такое неведение позволяло героине романа откровенно обсуждать с ручным зверем свое положение в роли невесты барона и крайнее недовольство нелюдимым характером будущего мужа.

Волк слушал очень внимательно, выражая подруге полное сочувствие и понимание. Интрига нарастала... Но тут раздался негромкий стук в дверь, и Кате пришлось отложить свои фантазии на другое время. Вернулся Хати.

Полдня молодые люди пробыли в комнате, потом сходили вместе в столовую, а вечером, серьезно переговорив с Ольгой, Катя снова собралась в домик на другом берегу.

– Тетя Оля, мне перед Машей, правда, неудобно, пожалуйста, извинитесь за меня. Я завтра весь день ей буду помогать, она хоть отдохнет немного, я же здесь работать приехала, а не загорать. И от дела отлынивать не собираюсь, я бы хотела, чтобы все наконец помирились и общались нормально. Ваня сказал, что с детками не прочь повозиться. Мы бы их забрали сюда, а Маша с Игнатом остались на пару часиков наедине. Я против всяческих ссор и ругани. Давайте уже дружить... домами.

Ольга улыбалась.

– Катюша, я рада, конечно, что вы с Ваней так быстро подружились, но что ты сама-то думаешь? Дальше – то, что планируешь? Набалуешься с ним, а потом уедешь? Ты уж реши для себя побыстрее насчет серьезных отношений, с ним играть нельзя, он, может, и сам часто смеется, дурачится, но

в душе-то словно дитя. Не обидеть бы его.

Катя вздохнула, глядя в окно на высокого статного парня, который, смеясь, рассказывал водителю Белоногову о своей недавней рыбалке.

– Я только вчера его узнала, а как будто полжизни вместе. Так бывает, тетя Оля? Или я какая-то ненормальная...

– Тебе, конечно, виднее, но от себя скажу, что человек он крепкий, надежный, никогда тебя не подведет. А дальше, девочка, думай сама.

– А что у них было с Машей?

Ольга только досадливо махнула рукой, предлагая не увлекаться темой прошлых привязанностей.

– Они просто друзья. Ты ведь сама успела заметить – живем здесь, как семья-община, каждый на виду. Маша, конечно, нравилась Хати, но выбрала Брока. А теперь Хати надеется, что ты его примешь. По-настоящему, не ради пустой забавы.

– Но ведь надо еще приглядеться... Все быстро происходит, у меня в мыслях такой раздрай.

– Правильно, спешить ни к чему. Только зря ему голову не морочь, если он тебе не подходит – шепни мне на ушко, я помогу распрощаться и добраться тебе до города. Так будет лучше для всех.

Но долго раздумывать у Катюши просто не оставалось времени, с самого раннего утра ее день был полностью расписан. Просыпалась она еще до рассвета, осторожно выби-

ралась из-под руки Хати, и бежала на кухню к столу, чтобы успеть записать новую главу своего романа, потом легкий завтрак и Волк увозил Катю в «Северный», а там ежедневная круговерть с малышами, а, между делом, дружеские беседы с Машей и Лизой.

Пока дети спали, Катя тоже успевала немного передохнуть или начинала набирать свою рукопись на ноутбуке. Мужчины усердно трудились над постройкой бани, и когда Хати ненавязчиво предложил свою помощь, его немедленно допустили к работе с деревом. Кажется, все разногласия между ним и Броком завершились после стычки у озера.

Правда, на следующий же день, пока Катя занималась с детьми на улице, Волк затеял в доме Русановых разговор, изрядно удививший Медведя и его супругу, а заодно и присутствующих при этом Лизу и Бриса. Суть же сводилась к очень странному аргументу.

– И даже не вздумайте разубеждать Катю, что я не оборотень!

– Кто? Кто ты у нас такой? Ну-ка поподробнее на этом моменте, – нарочито вежливо попросил Брис, не очень скрывая усмешку.

– Оборотень! – едва ли не угрожающе прорычал Волк, – я в полнолуние превращаюсь в дикого зверя, ясно вам? Катюшу это заводит, пусть и дальше верит.

– Конечно, конечно, зачем ребенка сказки лишать! – утвердительно кивнул Брис, – это как про Деда Мороза...

– Я думала, она девушка взрослая, – отчего-то грустно вздохнула Лиза.

– Да это у них что-то вроде ролевых игр, – засмеялась Маша, – чтобы жить интереснее.

– И ничего не игры, у нас все сразу и всерьез! – огрызнулся Хати... на Машу.

– Ничего себе! – поразился Брок, – а сынок твой старший, мамка, никак вырос уже, бунтовать начал. Ну, может, хоть теперь я один буду твои ножки целовать.

Маша вспыхнула до корней волос, сердито глянула на мужа и убежала в соседнюю комнату. А там постояла немного у окна, наблюдая, как Катя, что-то напевая, укачивает малышей. Вот к ней подошел Хати, обнял ее и с улыбкой заглянул в счастливые глаза.

«Только бы все сложилось у них, наш Волчонок это заслужил, а я буду только за него рада, как самая настоящая мамка», – Маша улыбнулась сквозь нечаянные слезы, – «и никакой ревности у меня быть не может! Вот еще глупости какие...»

К середине июля жизнь в «Северном», вроде бы, устоялась и покатилась медленно, будто воды тихого лесного ручейка. Если на дворе не было дождя, вечерами у дома Русановых собирались привычные «посиделки», на которых обсуждались последние новости из лесного обихода, заводились разговоры о том о сем, даже случались бурные споры по современному понимаю давних событий истории и воспита-

нию новых поколений русских людей.

Темы поднимались сложные и неоднозначные. Иногда заканчивались долгим, угрюмым молчанием, которое разрешалось благодаря любимым песням под гитару.

Теперь уже Хати-Иван вместо Лизы наигрывал простые мелодии, за зиму сумел порядочно освоить нехитрый инструмент. Пел тоже сам, поскольку ни голосом ни слухом природа-матушка не обделила.

Катя Пермьякова усаживалась рядом, чувствуя себя полностью в кругу друзей. Роман ее, в смысле – рукописный, уже приближался к завершению, все перипетии сюжета должны были разрешиться пышной свадьбой, а после радостным известием о том, что в положенный срок героиня подарит наследника или наследницу возлюбленному. Как говорится – классика жанра.

В эти дни Катя переживала небывалый творческий подъем. Первую часть своего сочинения она предложила почитать Лизе, и та сразу же одобрила стиль и сюжет.

– Ты просто молодчина! Читается легко, захватывает так, что оторваться невозможно, и никаких мудреных длинных повествований, действие развивается быстро и элегантно. Говоришь, папа у тебя – писатель, сразу чувствуется, что тебе от него эти способности передались. Насчет мужчин-читателей не уверена, но простым женщинам романтического склада книга твоя обязательно понравится. Она выгодно смотрится на фоне штампованных историй про вампиров и

оборотней. У тебя же получилась чистая, трогательная история с осязаемым чувственным шлейфом.

– Спасибо, Лиза, как ты меня ободрила! Даже слов нет.

– Очень странно для автора... Ладно-ладно, смеюсь. И все равно удивляюсь, как тебе это удалось, вроде сцены откровенные описываешь, но все так изысканно, красиво – никакой пошлости. Получилась книга для души и тела, особенно подойдет для отдыха дамам, замотанным повседневной рутинной. Сладкая сказка для взрослых девочек! Но в ней и философия своеобразная, есть над чем поразмыслить. Книжка глубокая, не на один раз. Можно, я Маше тоже дам почитать? Ей тоже понравится, я уверена.

Такой вердикт старшей подруги порадовал Катю, и она с еще большим воодушевлением принялась набирать рукопись на ноутбуке. Надо еще сказать, что душевные разговоры с Морозовой принесли немало пользы Катиной самооценке и даже помогли избавиться от некоторых предубеждений, способных отравить чудесный месяц в лесу.

– Лиза, а что ты думаешь насчет телегонии?

– Это по поводу того, что все дети женщины будут похожи на ее первого мужчину? Чушь и бред... выдумка неуверенных закомплексованных дядечек, ну, или слишком уж озабоченных идеей чистоты рода. Хм-м...

Лиза пристально взгляделась в бледное Катино лицо и продолжила:

– Нет, конечно, их желание вполне справедливо, я все по-

нимаю. Пусть себе девственниц ищут и берегут как зеницу ока, пояс верности наденут. Я только «за»... А еще я – за здоровье нации, за нравственность молодежи и категорически против беспорядочных половых связей. Но зачем же такую дикую теорию под свои позитивные идеи подводить? Причем, совершенно научно не обоснованную, ну, совершенно голословную. Ни одного внятного доказательства. Только кликушество с пеной у рта!

Кать, я тоже за женскую чистоту, вот у меня дочурка родиться, будем ее воспитывать строго, чтобы первый раз только с тем, в ком уверена, чтобы случилось это в любви, в нежности, как сокровенная тайна, как чудо, а не по принципу – все в классе попробовали, вот и мне пора. Я даже не столько о теле беспокоюсь, не о каких-то там якобы вечных физических отпечатках всех мужчин, которые это тело трогали... я о душе. Вот в душе-то, и правда, следы остаются, и на всю жизнь.

– Все верно, но...

– А, кстати, ты почему спрашиваешь? Может, тебя муженек твой бывший так обработал? Чтобы собачонкой у его ног сидела и сапоги лизала ему за то, что он тебя «вскрыл», уж прости за пацанское выражение! Вот же какой, гад-манипулятор! Катя, милая, успокойся и выброси глупости из головы. Каждый ребенок появляется от слияния лишь двух клеток – одной мужской и одной женской, ну, про двойняшек-тройняшек не будем говорить, и так ясно... Но есть

непреложный факт: у каждого малыша может быть только один биологический папа и одна мама, соответственно. Это закон природы.

Но уж если завести разговор о каких-то незримых, волновых, духовных следах бывших интимных отношений, то здесь уж требуется чистота обоих партнеров, никак не иначе. А то что же это получается, мужчина может всех шлюх в городе перетрахать, болезни нехорошие подлечить, а потом женится на невинной девчушке и ждет идеальное потомство?! – Лиза возмущенно всплеснула руками.

– А чего ждать-то в таком случае? Думаешь, он так вот запросто в баньке смыл ментальную информацию всех чужих постелей в своей жизни? Думаешь, на него ничего не прилипло в духовном плане?

– В тантре секс – это как раз взаимообмен энергиям, – увлеченно подхватила Катя мысли подруги.

И обе расхохотались. А потом Лиза подытожила:

– Вот и я о том же говорю! Оба должны быть чисты, но больше мыслями, чувствами, отношением друг к другу, и желательно, чтобы за спиной у женщины поменьше было всяких случайных связей.

– Значит, мужчинам ты все-таки послабление даешь?

Лиза вздохнула тяжело, будто смиряясь с неизбежным.

– Даю, Катя... мужчинам, наверно, труднее верность хранить. У них и в природе такая роль – семян побольше раскидать, больше потомства оставить. Зато женщина есть сосуд

принимаящий, в нем малыш растет, и потому «сосуд» этот должен быть изначально чистеньким. Хотя и наливать в него тоже должна не всякая дрянь.

Они снова рассмеялись, понимая друг друга. А потом Катя легко рассказала свою печальную историю с мужем. Ли-за сразу же объяснила некоторые нюансы поведения Антона, успокоила насчет не наступившей за прошлый год беременности. После этого разговора на сердце у Кати стало гораздо спокойнее. С каждым днем она все больше открывалась с Хати, привязывалась к нему.

Ей нравился в нем веселый, жизнерадостный нрав, склонность решать щекотливые вопросы доверительным разговором, а не играть «в молчанку», решительность и одновременно гибкость характера. А еще Волк по-настоящему заботился о ней, и Кате это было особенно важно. Но один камень преткновения все-таки встретился на их совместном пути.

Глава 8. Воспоминания

Наступила середина июля – самая макушка лета. Гроза нагрянула из-за озера внезапно, и в этот вечер Ольга посоветовала ребятам остаться в поселке, а не плыть на другой берег под угрозой ливня. Так Хати впервые остался ночевать в комнате любимой девушки.

Под утро Катя, как обычно, проснулась от наплыва фантазий, которым не терпелось выплеснуться на клетчатые листы уже изрядно помятой тетради. Оставалось закончить последнюю главу романа о девушке из двадцать первого века, чудесным образом переместившейся в мир магического средневековья.

Набрав на ноутбуке слово "конец", Катя хотела еще разок пробежаться по основному тексту и проверить орфографию, а заодно отшлифовать некоторые спорные места, но глаза предательски закрывались, тогда она положила голову на плечо своей вытянутой на столе руки и задремала.

«Сейчас немного отдохну и продолжу редактировать. Первая в моей жизни большая сказочная история должна быть безупречна».

Хати проснулся от того, что рядом не ощущалось уже привычное тепло любимой. Увидев Катюшу, склонившуюся над столом, он немедленно поднялся и бережно перенес ее в постель, даже не разбудив.

«Да что же она такое печатает, измаялась вся, спать не может спокойно из-за своей книжки...» – он чуть ли не со злостью дернул «мышкой» и бросил яростный взгляд на загоревшийся экран ноутбука. Вскоре на лице Хати появилось крайне удивленное выражение, он сел на стул поудобнее и начал внимательно читать текст.

Сняв сапожки и закатав до колен свои узкие брючки, Катя весело шлепала босыми ногами по мелководью. И вдруг странное ощущение чьего-то присутствия заставило ее подозрительно оглядеться. На обрыве, прямо напротив нее стоял большой лохматый волк. Несколько мгновений Катя смотрела в его холодные желтоватые глаза, а потом зверь угрожающе зарычал и прыгнул на берег вниз, сразу же оказавшись в двух шагах.

– О Боже! Спасите!

Она в ужасе отбежала подальше в воду и, прижав ладони к судорожно бьющемуся сердцу, не спускала взгляд с волка. А тот почему-то остановился, словно раздумав нападать, и как-то даже насмешливо фыркнул, встряхиваясь всем телом.

– Так ты еще и смеешься, глупое животное! – немедленно возмутилась Катя, – думаешь, я не узнала тебя, ты помог мне тогда, в лесу, потом крутился у нашей пекарни, а сейчас явился сюда напугать меня до полусмерти? Ничего не выйдет, дружок! Я тебя не боюсь ни капли, так и заруби себе на серой морде.

Хати заинтересованно покрутил колесико мышки, чтобы перейти на другую страницу, а потом на следующую, и еще на одну, и еще...

— Когда ты так рычишь, мне хочется назвать тебя Веймаром, тот вечно не в настроении.

Волк взял кусочек сыра из ее рук и, словно в благодарность, лизнул ее теплую ладонь, а после улегся у ног Кати, положив голову на передние лапы.

— Вот какой ты у меня молодец, послушный мальчик!

Она погладила зверя по загривку, запустив пальчики в густой подшерсток.

— А еще ты очень красивый, тебе кто-нибудь такое говорил прежде? Нет? Ну, что ж, тогда я буду первой...

Катя тихо рассмеялась своей шутке, а Волк поднял большую голову и внимательно посмотрел на девушку, теперь в его взгляде таилась о самая настоящая человеческая тоска. Как тут не пуститься в откровенность.

— Знаешь, я рада, что ты пришел ко мне, правда, не очень понимаю, зачем тебе-то все эти встречи, но мне ты точно нужен, поэтому не бросай одну, ладно? Понимаешь, здесь все чужое, все другое, и я никак не могу привыкнуть, хоть и делаю вид, что все хорошо, а еще это предстоящее замужество... ну, какая из меня Баронесса де Лостан? И если честно, я бы очень хотела сбежать куда-нибудь подальше, я бы взяла тебя с тобой, будь я мужчиной, и мы бы путешествовали вместе... но, я всего лишь маленькая трусливая

женщина и все это совершенно невозможно.

Меня сразу же вернут обратно, и Веймар будет в ярости. Он закроет меня в башне наверху и не выпустит гулять, а я умру, если не увижу большие реку, и лес, и луг, и тебя. Ты мой единственный друг в этом странном мире. Я верю, ты все понимаешь и сочувствуешь мне, иначе бы не приходил... А, может, ты тоже заколдован и тебе нужна моя помощь? Ах, если бы я знала, как тебе помочь, я бы все сделала для тебя...

Катя опустила на колени рядом с волком и порывисто обхватила его лохматую шею. Ей показалось, что по телу зверя пробежала дрожь...

Хати забыл о том, где он сейчас находится, потерял счет времени, полностью погрузившись в переживания главных героев. Ему казалось, он слышит, как сама Катя читает главу за главой, становясь то радостной, то печальной.

– Где ты сейчас была? – злоеющий хриплый голос прогремел почти над ухом, а сильные пальцы больно сжали руку чуть выше локтя.

– Куда ты ходила? К кому? Отвечай немедленно!

Она ахнула, уставившись в горящие глаза Веймара. Как же она не замечала раньше? Серые, с янтарными крапинами глаза ее верного спутника по лесным прогулкам. Это несомненно были глаза Веймара и... волка. Того самого, которому она доверяла свои самые сокровенные мысли и желания. И страх тотчас рассеялся, давая место искреннему негодо-

ванию.

– А сам ты уже набегался по лесу на четырех лапах? – дрожащим от волнения, но все-таки достаточно твердым голосом переспросила Катя.

Пальцы барона медленно разжались и отпустили ее руку.

– Ты... знаешь?

Катя с удовольствием уловила нотки смущения в его голосе.

– Надо еще разобраться, кто здесь кого приручил, Катрин, – как-то смиренно и тихо проговорил Веймар, – я ведь хотел только один раз напугать тебя, заставить сидеть внутри ограждения замка, ну, или прогуливаться где-то рядом в сопровождении слуг. Мне всегда было тревожно оставлять тебя одну, я так беспокоился, покидая тебя на весь день. И я решил, что увидев волка, ты не узнаешь его и... больше не станешь уходить далеко. А когда ты приласкала меня и заговорила, словно с человеком, я и сам забыл, зачем показался тебе посреди дня. Мне хотелось быть рядом. Всегда около тебя, чтобы защищать, оберегать от всего плохого, что могло бы угрожать тебе в этих местах.

– И в любой момент ты мог стать человеком?

– Но ведь тебе гораздо интереснее было гулять с волком, так? Ты даже жаловалась, что у тебя никогда не было щенка, а тебе хотелось бы иметь большую грозную собаку, которая бы тебя охраняла. Я решил доставить тебе это удовольствие и предложил себя... в виде волка.

На губах Веймара теперь играла уже знакомая самодовольная усмешка. И Катя вдруг поняла, что вся ее злость и обида тает, уступая место легкой досаде.

Следующая глава начиналась с описания любовной сцены. Очень чувственной и откровенной. Хати перечитал ее несколько раз, подавляя нестерпимое желание немедленно броситься к мирно спящей Кате и сейчас же воплотить в жизнь все, что она насочиняла. До мельчайшей подробности, сценарий-то под рукой.

Требовались лишь два участника и женщину звали Катериной. А вот мужчину... Хати едва мог сдержать гневное рычание. Его драгоценная Катя описывала какого-то милорда Веймара, владельца огромного поместья и всех окрестных деревень, к тому же способного превращаться в настоящего волка. В отличие от Хати... И с этим самым Веймаром героиня занималась любовью на широкой постели в богато обставленных покоях. Так вот о чем она мечтает на самом деле!

У Хати же был только маленький рыбацкий домик на берегу, лодка и сети, ну, и еще какие-то деньги на счету, про них говорил Коротков. Но уж точно – ни замка, ни слуг... Он бесшумно ходил кругами по комнате, поглядывая на смелую писательницу. Катя лежала на спине и была такая соблазнительная в задравшейся маечке, почти не скрывавшей грудь, в облегающих крохотных шортиках на круглой попке.

Дрожащими руками Хати укрыл ее одеялом, отчаянно борясь с искушением стащить с нее бесполезные тряпочки, а

потом расцеловать белые плечики, гладенький животик и все, что находится ниже, а когда она станет готова, соединиться с ней так, чтобы она сразу открыла глаза и счастливо вздохнула.

Вместо заманчивого плана Хати надел штаны и поплелся в ванную комнату на первом этаже, от души надеясь, что Ольга еще не поднялась. У нее порой случались приступы бессонницы.

Вернувшись через десять минут обратно в спальню, он сразу же сел за письменный стол, раздраженно отодвинул ноутбук, взял ручку и начал выводить в рукописи ниже размашистого слова «конец» следующие слова:

– Скажи, Катя, зачем ты все это пишешь? Зачем так подробно рассказываешь на весь мир все самое личное, что у нас было? Я считаю, что это гадость. Я даже не знал, что ты такая бесстыжая. Хотя, погоди, вообще-то я понял, ты хочешь стать знаменитым автором, чтобы народ читал твои книжки и восхищался. Да, сказка хорошая, мне понравилась, честно. Но вот она закончилась. Слово «конец» ты сама написала. И что потом?

Уедешь в город, оставишь меня. Я сейчас только догадался – я тебе только для этой сказки и был нужен. Ты меня использовала. Была со мной, а в голове придумывала, что бы еще такого интересного написать. А на Ваню-дурака плевать. Ну и все... Ты же прекрасно знаешь, я не оборотень, не какой-то барон, у меня почти ничего нет?

Вдруг он почувствовал, как в груди у него что-то медленно сжимается, вызывая мучительную ноющую боль. Последний раз он испытывал подобное, когда Ханс Хелльбек признался, что его отстраняют от проекта Крафта по созданию «Русского вида», и они с Хати больше никогда не увидятся.

В ушах вдруг зазвучала немецкая речь. Но не та чеканно-холодная и ненавистная до ужаса, а другая, исполненная искреннего сочувствия и доброты. Так в говорил с ним доктор Хелльбек.

– Мне очень жаль, мальчик... Им всегда не нравились мои методы, они считают, что я слишком лоялен к тебе, а результата нет. Того результата, что им нужен. Представляешь, они хотели сделать из тебя берсерка. В двадцатом веке... Безумцы! А ведь я вижу отличный результат, мальчик. Самый лучший, который можно только представить, кажется, мне придется поплатиться за это жизнью.

– Убей меня, дай какой-нибудь препарат! Ты же обещал.

– Я обещал убить тебя, если ты и впрямь превратишься в животное, но ведь этого не произошло...

– Они доведут свое дело до конца, а тебя не будут рядом. Не оставляй одного, они же растерзают меня, замучают! Мне так страшно. Помоги мне уйти сейчас... отец. Не оставляй с ними.

Глаза Ханса застилала слезы, он отвернулся, судорожно сглотнув.

– Я не могу. Теперь после меня останешься только ты. И

ты выживешь. Теперь ты обязан выжить. Об этом не говорят, но я-то знаю, наши дела совсем плохи. Против фюрера готовился заговор, мятежные генералы убиты. Капитуляция Германии неизбежна. На что он вообще надеялся... А сколько жизней загублено зря – весь цвет нации. Молодые, сильные, здоровые мужчины... Столько нерожденных детей!

Нет, этому чудовищу не отделаться островом Святой Елены. Запомни мое слово, Хати, не отделаться... Жаль, я уже не увижу, не узнаю. Но ты должен жить вместо меня, слышишь! У меня ведь больше никого нет. Мой сын погиб в Африке, моя жена умерла при родах, а маленькая дочь скончалась от пневмонии, мои археологические находки пытаются использовать для вызова демонов, идиоты!

Эти люди потеряли разум, если хотят выиграть войну с помощью нечистой силы! Я ученый, я всего лишь старый ученый, и я христианин. Они заигрались в Богов... они себя возомнили Богами... А такое не прощается, мальчик, запомни мои слова. Возмездие уже близко, но моя расплата наступит гораздо раньше.

Глухо застонав, Хати выскочил из-за стола, схватил со стула свою одежду и выбежал из комнаты. Виски ломило от жуткой головной боли, невидимые клешни все сильнее сжимали горло, мешая вздохнуть. Спотыкаясь, он потрусил к озеру, а потом долго лежал в лодке, успокаивая разогнавшееся сердце.

Он никогда не сможет забыть чудовищную картину: муж-

чины в черной форме бросили окровавленное тело Ханса на каменный пол подвала, у профессора не осталось ни одной целой кости, но он еще был жив. Вытаращенные от невыносимой боли глаза устремлены в сторону мечущегося по клетке Волка, а разбитые губы будто пытаются еле слышно сказать:

– Leb, mein Sohn! Leb... (Живи, мой сын, живи...)

Хати смотрел в чистое голубое небо, омытое ночным дождем, потом зачем-то пристально следил за полетом ранней чайки. В голове звенела тишина, он закрыл глаза и прислушался к этому внутреннему шуму. И вдруг, через некоторое время он различил какой-то веселый музыкальный наигрыш, а потом и залиvistый женский смех. Мучительно хотелось разворошить самые нижние слои памяти.

«Гармошка... там играет гармошка, вот дают, черти!» – от неожиданности он даже рассмеялся вслух. Хати казалось, что он сошел с ума, ведь здесь на озере никто не мог сейчас играть на гармонии, и рядом не было ни одной девушки, которая могла так задорно петь частушки, звучащие сейчас в его больной голове невероятно четко.

– А мой миленок, как теленок,
Только веники жевать,
Проводил меня до дому
Не сумел поцеловать.
Оба – я те – нажалуюся тятя!

И вдруг он ясно увидел певунью своим внутренним зрением, – не то увидел, не то вспомнил – ту самую девушку, что задиристо поглядывала на статного гармониста. У нее было смутно знакомое лицо: милое, покрасневшее, в форме сердечка с маленькими ямочками на округлых щеках. И такие же славные голубые глаза, только волосы подлиннее – две косы пшеничного цвета, перекинутае на высокую грудь.

«Катя! А где же моя Катя?»

Он мгновенно напрягся и оглянулся в сторону коттеджей на берегу, потом хотел уже было кинуться назад, но вдруг схватился за голову и заплакал, согнувшись на днище лодки.

В уме его все перемешалось: танцующая в круге стройная крутобедрая деваха, сыплющая частушками, всадники на конях, подъезжающие к старому замку, кровь на снегу и злобное ворчание волков, разрывающих дымящуюся на морозе оленью тушу.

А потом молодой парень, мастерски игравший на гармонии, вдруг заглянул ему прямо в лицо – будто в зеркало. И задорный девичий голос теперь прозвучал в самое ухо:

– Вань, а, Вань! Ты чего же замолк-то, касатик, душа пляски просит! Ай, притомился? Сыграй нам еще, миленький, зазнобушку свою порадуй.

Хати прыгнул с лодки в прохладную воду озера и поплыл на другой берег размашистыми мощными гребками. Постепенно он приходил в себя. Безумная разноголосица в голове смолкла, улегшись на самое дно ржавого сундука памяти.

Глава 9. В город

Катя проснулось с недобрим предчувствием. В комнате кроме нее никого не было. «Ваня, наверно, спустился вниз и скоро придет ко мне». Она привыкла вставать первой, пока друг еще спит, да он обычно и ложился гораздо позже. За те полтора месяца, что они были вместе, Катя хорошо успела выучить все его привычки.

Она поднялась с постели и подошла к ноутбуку, вспомнив, что так и не отключила его с ночи. И тут внимание ее привлекла запись в тетради, сделанная небрежным полудетским почерком ниже концовки романа.

«Скажи, зачем ты все это пишешь? Зачем так подробно рассказываешь на весь мир все самое личное, что у нас было? Это гадость! Я даже не знал, что ты такая.»

Понадобилось прочесть несколько раз, прежде чем смысл сказанного дошел до нее. Больно и стыдно. Катя медленно опустилась на стул и закрыла лицо руками, стараясь глубже дышать.

«Конец! И даже это слово «конец», что сама же я написала, звучит словно приговор. Теперь он считает меня грязной, порочной, развратной. Значит, такая и есть. Вот насмешка судьбы – бывший муж говорил, что я зажатая и холодная, а тот, кого полюбила всей душой, теперь видит во мне похотливую дрянь. Господи, что же делать! Он ушел, потому что

больше знать меня не захочет, я ему не нужна...»

Первым ее желанием было немедленно разыскать Хати для серьезного разговора. Необходимо было попытаться хоть что-то объяснить насчет своей рукописи. Катя быстро оделась и побежала в ванную комнату на первый этаж. «Умыться, одеться, и на поиски...»

Внизу ожидала взволнованная Ольга с сотовым телефоном в руке.

– Катюш, хорошо, что вы уже встали. Я не хотела специально будить. Сейчас мама твоя звонила, говорит, Антон в городе, хочет увидеться с тобой. Это насчет развода...

– А мое присутствие обязательно? – нахмурилась Катя, не зная, за какой обрывок мысли ухватиться.

– Вера сказала, в твоём присутствии процедура расторжения брака пройдет быстрее. Если ты, конечно, не передумала.

В светлых глазах Ольги промелькнуло беспокойство, но Катя переживала о другом.

– Скажите, вы Ваню не видели?

– Нет, я думала он с тобой, наверху. Что-то случилось?

– Ох, теперь даже не знаю... Он на меня разозлился, наверно, к себе на озеро убежал. Тетя Оля, что мне делать? А вдруг вообще не захочет больше общаться?

Нервно крутя кончики распущенных волос, она вкратце изложила Ольге возникшее между ней и Хати недопонимание.

– Это просто куртуазная сказка. Я Лизе дала почитать, ей понравилось. Это же нельзя воспринимать серьезно, я не мемуары пишу. Ну, да, были там некоторые личные фантазии... так разве плохо? Наши с Ваней отношения тут не при чем.

«Ну, почти...»

Ольга Комарова руками всплеснула.

– Правда, сущие дети! Нашли проблему. Не переживай, никуда не денется твой рыцарь. Только как нам с городом быть, Вера настаивает, что твое присутствие желательно, все вопросы с Антоном лучше решить при личной встрече. Тогда мировой судья вас уже завтра может развести, если никто не заявит о протесте. Антон специально приехал получить развод, так чего тянуть? Да и Вера по тебе очень скучает. Так и сказала, «уговори Катюшу приехать, видеть ее хочу».

– Может, Антон нашел себе новую жену, вот и торопится, – попробовала улыбнуться Катя.

– А вдруг станет уговаривать начать все заново, такое случается сплошь и рядом? – осторожно спросила Ольга. – Прошло два месяца, как ты с севера вернулась, может, он пожил один, ваши отношения переосмыслил, передумал. Теперь не хочет тебя терять и попытается вернуть. Будь к этому готова, сопли-то не распускай перед ним. А, впрочем, Катя, дело твое, какой из меня советчик...

– Да меня тошнить начинает, едва вспомню Каргаполова, а вы говорите – вернуться. Никогда в жизни! А ехать, ви-

димом, нужно. Очень хочу стать свободной женщиной, даже прежнюю фамилию планирую взять.

– Ну, вот и хорошо! – облегченно выдохнула Ольга. – Тогда собирайся скорее. Алексей предупредил – к одиннадцати выезжает, ему срочная информация пришла из Москвы, надо получить подробный инструктаж. Кажется, у нас скоро еще один проживающий появится. Ой, чувствую, заварится по осени каша...

– Хотите сказать, через пару часов уже надо ехать?

Катя совсем расстроилась, беспомощно поглядывая на Ольгу.

– Но мне же сперва надо с Ваней увидаться, не могу же я просто исчезнуть?

– Увидишься, конечно! Он бродит где-то рядом, вы целый месяц как привязанные друг к другу. Сейчас позову ребят на помощь.

Катя начала впопыхах готовиться к отъезду из заказника, едва сдерживая слезы, собрала сумку, оставив большинство вещей в комнате. Вернуться собиралась самое большее через неделю, когда полковник Коротков сможет отправить за ней машину.

Между тем Ольга всерьез занялась поисками Хати, и вскоре ей пришлось подключить к этому делу Игната-Брока и даже Бриса.

– И что на Ваню накатило! – жаловалась она. – Сбежал, чудак, пока Катя спала и до сих пор еще не появился. А ей

скоро уезжать, она его ждет, чуть не плачет. Хоть бы записку оставил, ушел, мол, за рыбой, буду там и там-то. Вот вы какие мужчины! Книжка ему, видите ли, не понравилась... Что бы там понимал – в дамских романах.

– Они поссорились? – хмуро спросил Брок.

– Да, похоже на то, – тихо ответила Ольга.

Через три часа Коротков решительно объявил, что больше не может ждать, поскольку в городе нужно быть засветло. Брис успел сплавить на лодке к дому Волка, но Хати там не оказалось. Брок обошел лес, на все лады выкрикивая приятеля и даже помянув его не очень хорошими словами. Никто не отозвался. Обитатели поселка всерьез забеспокоились. Коротков уже не скрывал своего раздражения, часть которого выплескивалась и на "горожаночку-фантазерку".

– Знаете, Катерина, он хоть и взрослый человек, но у него тонкая, ранимая душа. Вам надо было это учитывать. Будь он такой же как Брок, ну, дал бы кому-нибудь по шее разок или мою машину попортил, на худой конец. А Хати у нас чувствительный, деликатный. Он в себе будет переживать и неизвестно, что еще плохого задумает. И теперь, если случится с парнем плохое, с меня голову снимут, а не только погоня. Вам-то что? Поиграли в роман на природе, да и домой, к мамочке, а мне расхлебывать...

Катя уже откровенно шмыгала носом, терла покрасневшие глаза, даже не пыталась оправдываться. Неожиданно за нее заступилась Маша:

– Вы чего на девочку напали? В Интернете еще не такое можно почитать, даже солидные дамы с четырьмя детьми и мужьями под боком пишут эротические романы. Славу мировую получают, отзывы восторженные. А Катина история просто прелесть. Ее непременно надо опубликовать. На месте Вани я бы гордилась, а не по кустам пряталась. Он, что же, через страничку читал, выискивая одни любовные сцены? Там и прямое посвящение – «моему любимому мужчине, с благодарностью за вдохновение». И после такого комплимента убежать?

Коротков недобро прищурился.

– Какая еще книжка? Это вы про что, вообще?

Брок легонько толкнул плечом Бриса, шепотом спросил:

– Ты сам-то читал?

– Нет, Лиза не разрешила, сказала, только для девочек.

Взрослых.

– Ух, ты! И не мог прочесть, когда уснет?

– Так в компьютере же все. Она папку куда-то там запрятала, я не нашел. Хотя было бы интересно знать, с чего так Волчонок завелся.

– Для начала надо самого бы его найти – в целости и сохранности.

– И чего Коротков за него трясется? Хати же не дурак, чтобы из-за любовной книжки топиться. Прячется где-то в лесу, наверно.

– Да что это еще за бабские капризы? – возмутился

Брок. – Потом сам же хныкать будет, что Катя без него уехала. Тоже мне... ранимая душа. Помню, как он в лесу одного уroda отделал, тот еле оклемался в больнице. Алекс сказал, повезло, что доставили вовремя. А зря, между прочим. Я бы добил.

Серебристый «Фольксваген – Туарег» мягко катил по лесной дороге, увозя взъерошенного Алексея Викторовича и заплаканную Катерину в сторону федеральной трассы. А там еще полдня до города добираться. Правда, в город сейчас Кате совершенно не хотелось.

Неизвестно, где беглец пропадал весь день, и что он за это время передумал, но вернулся Хати в отличном настроении с явным намерением, как обычно, забрать Катю на ночь в свое жилище на озере. Известие о том, что девушка спешно покинула «Северный», чтобы встретиться в городе с пока еще настоящим мужем, поразило Волка словно удар молнии.

«А если он убедит ее вернуться к нему? Вдруг она обиделась на мои слова и примет этого, своего...»

– В слезах уезжала, между прочим, – подколот Брок, – и все из-за твоей нежной волчьей натуры. Чего удрал-то от подруги?

Хати немного смутился. Между бровями залегла тонкая морщинка.

– Сам не пойму, что на меня нашло, словно в колодец заглянул, а он бездонный. Голова закружилась...

– Так к Лизоньке сходи, она тебе таблеточку даст, поле-

жишь и все пройдет, болезный ты наш, – от души ехидничал Брок.

– Какая тут таблеточка, Катя уехала, как теперь быть?

– Поверить не могу что вы с ней поссорились из-за какой-то книжонки.

– Не какой-то, а лично Катинной, и она пишет там про другого мужчину! – огрызнулся Волк.

– И про другую женщину, наверно? – рассудил Брис, пытаясь разобраться в причинах размолвки.

– Но в ней-то она себя представляет. Недаром Катаринной назвала!

– А ты чем не главный герой? – рассмеялся Брок.

– Она откровенные вещи пишет, – чуть не взвыл Хати, – другие люди будут читать.

Медведь самодовольно улыбнулся, искренне потешаясь над глупым Волчонком.

– И что ты такого не можешь, из того что она там пишет, ну, скажи мне честно?

– Я в волка превращаться не умею, да и старого замка у меня нет, – искренне загрустил Хати.

– Хей, дуралей! Катя в твоём домике приозерном занялась сочинительством, значит, он и был для нее замком. Вы же именно там все описанное вытворяли вдвоем, верно?

– Ты это тоже читал? – немедленно взвился Хати, подпрыгнув на месте.

Остальные мужчины переглянулись, наконец Брок при-

знался:

– Нет, конечно, мне Маша пересказала сюжет. А сама, кажется, читала с удовольствием. И Лиза тоже... Да такие книжки только для женщин и пишутся. Зато мужчины предпочитают давать повод для женских фантазий. Вот с бывшим мужем когда жила, Катя ведь не писала таких книг? Не писала. А здесь только с тобой встретилась, так сразу и вдохновение пришло. Получается, что ты ее так... эгм... вдохновил, хищник ты наш, чересчур уж нежный.

Хати вскинул на Брока глаза полные обиды и возмущения, но тот продолжил, подойдя почти вплотную:

– Эх ты! Да если бы Маша меня так назвала, я бы на седьмом небе был от гордости и счастья. А она никогда мне такого не скажет, постесняется. И так если что-то откровенное захочет сообщить, то лишь в темноте, на ухо прошепчет. А мне иногда на свету хочется. И в полный голос. Брис вот как-то рассказывал, что Лиза с ним делала, ну, поначалу, конечно, сейчас-то им уже, наверно, нельзя. Какие только она для него слова не придумывала, и «котенок-то сладенький» и...

Скоро Брок сам смутился от своего порыва рассказывать столь интимные моменты чужой семейной жизни. Вернулся к своим переживаниям.

– А мне Маша никогда такого не говорит. Так что насчет книги... Гордись тем, что доставил своей женщине столько счастья и радуйся, раз она это оценила высоко.

Хати тяжело вздохнул, виновато сморщился.

– Я сплеховал, это точно... Я кучу гадостей ей написал из-за этой сказки. А она же просто не может не сочинять, она сказала, что погибнет, если ей это будет запрещено. Завянет, как цветок... как сорванные черемуховые кисти. Весь мир для нее потеряет краски, если она не сможет описывать свои истории.

Тут он застонал в голос, хватая себя за короткие волосы.

– Какой же я дурак, Брок! Я страшно ее обидел. И я теперь здесь, а Катя с мужем будет встречаться... А вдруг он ее обратно увезет, далеко. Мне-то что тут без нее делать!

– Так догони, – с мрачной улыбкой посоветовал Брок.

– Но она в городе уже, наверно! – завопил Хати.

– Вот в город и сбегай!

– Как это – сбегай... Стой-ка... Слушай, а ведь я же смогу. Чем тут сидеть да снова выть на Луну... За ночь до главной дороги доберусь, а там... А там куда? Надо у девочек спросить, куда же мне дальше. Разреши с Машей поговорить пять минут или я сразу к Лизе... Пусть мне карту нарисуют. Мне надо точно знать, как в городе найти Катю.

Совещание по поводу экстренной отправки Хати в город было проведено вечером в доме Русановых. Поколебавшись, друзья поставили в известность также и Ольгу Комарову. Будучи целиком на стороне влюбленных, она должна была немедленно позвонить Короткову и сообщить, что Волк нашелся и все с ним в порядке.

Успокоив высшее руководство, обитатели «Северного» составили подробный план действий и даже нарисовали Хати простенький рисунок – карту небольшой части города от автовокзала до необходимого дома. Незадолго до отъезда Катя сообщила Лизе, что в квартире родителей сейчас гостят друзья с юга и эту неделю она будет жить в старенькой «двушке» возле большого сквера. Лиза отлично знала этот район, поскольку сама купила квартиру неподалеку.

Почти совсем стемнело, когда Хати собрался идти по дороге, ведущей из «Северного» к федеральной трассе. Поддержанные наставления Ольги, Медведь вызвался немного проводить «непутевого Волчонка». Прекрасно понимая, что рискует карьерой, она все же скрыла от Короткова самоволку любимца, только не удержалась от причитаний.

– Господи! Дождитесь вы уже утра, я сама тебя отвезу к остановке. Куда ты на ночь глядя? Давай Кате просто позволим и вы поговорите, и потом – она же приедет дней через пять. Что вы делаете, ребята, меня Алексей из-за вас уволит! Я официально тебя отпустить не могу, неужели не понимаешь?

Но Хати не мог ждать до утра. Зачем? Утром он уже сядет на первый проходящий до города автобус и через каких-нибудь шесть часов будет на месте. Зачем медлить, если речь идет о любимой женщине?

Брис это решение одобрил и в адрес руководства высказался по полной программе.

– Мы вообще-то люди взрослые и не на цепи сидим. Держать нас здесь всю жизнь не имеете права. Обвыклись, осмотрелись, пора уже и выбираться потихоньку. Сейчас Хати в город съездит, а потом к осени и мы с Лизой отправимся за нашей малышкой, не здесь же роды принимать. Там, глядишь, и Брок у придет время отчаливать. Детишек его все равно надо в школу отправлять, среди людей жить придется.

Брок согласно кивал, поглядывая на молчаливую, задумчивую Машу. Сколько впереди нового, интересного... сложного. Вот Дашулька недавно научилась переворачиваться со спинки на животик, резво хватает яркие игрушки, пытается ползти вперед, опираясь на ручки.

Медведь с удовольствием вырезал из дерева множество маленьких животных, а некоторым зверюшкам даже приладил колесики. Всем семейством забавлялись. Сынишке только шевелиться лень, все больше таращится по сторонам, гулит, лепечет, тянет мамку за отросшие волосы да пробует ущипнуть шуструю сестру.

Но в этот вечер все внимание было посвящено проводам Хати. Парня пришлось срочно переодевать для поездки. Формированием нового имиджа занималась доктор Морозова:

– Ты сейчас как охотник выглядишь, ну, или как рыбак деревенский. Потрепанный, причем. Волосы бы еще красиво подстричь, а то в разные стороны торчат. Тоже мне, кавалер... На вот, примерь вещи. Я Володе готовила, думаю, тебе

тоже подойдет, вы почти одного роста и схожей комплекции.

Когда Хати облачился в принесенные Лизой футболку, джинсы и кроссовки, девушки дружно ахнули.

– Ну, красавчик! Просто какой-то спортсмен. Вот и модный рюкзак в тему, – одобрила Маша.

– Нет, он теперь у нас как звезда отечественного кинематографа! – улыбнулась довольная своей работой Лиза.

– Какой отечественный – дальше бери! Голливуд, только в Голливуд!

– Физиономия-то славянская, не потянет... – заметила Ольга, украдкой смаргивая с ресниц досадливую слезинку.

– Ага, как раз может сыграть у них плохого русского парня! *Bad Russian Boy*...

– Почему же сразу плохого? – обиделась Маша за друга.

– Для них хороших русских нет...

– А вот Данила Козловский играл в иностранном фильме...

– Девчонки, вы смеетесь или хвалите, я не пойму? – нетерпеливо перебил Волк, взбудораженный общим вниманием.

Он придиричиво осматривал себя, стоя у зеркала, он хотел понравиться Кате и находил, что шансы весьма велики. Ноги, обтянутые плотной синей тканью, казались длиннее. Белая футболка только подчеркивала смуглую кожу налитых силой плеч. Сам Хати стал будто бы еще выше и солиднее.

– Хвалим, хвалим, не сомневайся! – поторопилась ответить Лиза за Машу. Как бы Игнат-Брок не вздумал опять

ревновать жену.

– Хоррош! – снисходительно выдавил тот, картинно склонив голову набок, и даже языком прищелкнул.

А сдержанный Владимир одобрительно кивнул, красноречивее любых слов выражая поддержку другу.

Ольга выдала Хати приличную сумму денег и торжественно вручила новенький сотовый телефон, куда Лиза тут же вставила свою сим-карту.

– Вот, возьми! Это твои рублики, так что распорядись сам, как захочешь. Я потом Алексею объясню.

Лиза деловито прикинула предстоящие расходы.

– Так, этого тебе на автобус хватит, и на обратную дорогу, мало ли что. Не забудь про цветы. Магазинчик прямо в ее доме на первом этаже. Розы возьми белые или розовые, она такие любит. Лучше много маленьких розовых бутончиков. Посмотришь еще сам, чтоб и тебе понравится. Кажется, все...

– Маша, а ты помнишь, какую песню Катя ребятишкам пела? Из той музыкальной сказки про Робин Гуда? «Поля под снегом и дождем, мой милый друг...» – я слова немного забыл. Может, в Интернете посмотреть? – неожиданно спросил Волк.

Текст песни из детского аудиоспектакля немедленно нашли, и Ольга даже распечатала его в своем кабинете. Хати взял лист с собой, видимо, намереваясь выучить песню по дороге.

– Теперь, кажется, действительно, все...

Проводы были короткими, но бурными. Особенно расчувствовалась обычно невозмутимая Ольга.

– Ванечка, ты старайся ни с кем много не говорить, в споры не вступай, а то в автобусе иной раз попадаются чересчур разговорчивые собеседники. Не ругайся ни с кем, веди себя тихо и незаметно. Если дорогу забудешь, спроси вежливо... хм... лучше какую-нибудь женщину пожилую. С Катей мирно все решите, из себя не выходи. Если дома не окажется, позвони мне, я с ее мамой свяжусь, все разузнаю.

– Вы его прямо как в разведку собираете. В стан врага... – недовольно процедил Игнат.

– Ага! Будто в последний бой отправляем.

Лиза вдруг судорожно вздохнула, поглаживая живот, Брис стоял рядом бледный и хмурый. Маша и вовсе убежала из прихожей, сославшись на то, что пора укладывать детей. Но все заметили ее смятенное состояние, еще немного и на шею кинулась Волчонку. Один Брок, вроде бы, держался спокойно и когда они, наконец, оказалась вдвоем с Хати на лесной дороге, то заявил прямо:

– А, знаешь, я тебе даже немного завидую. Думаю, и Брис тоже. У тебя сейчас такое приключение намечается, смотри не напорти чего-нибудь. Нас не подведи, мы теперь все как одна семья, помни. Короткова не подставь, он за нас отвечает. Сам бы он тебя, конечно, не отпустил. Ольга сказала, уже послезавтра возвращается, прикроем тебя, если что...

– Да, понял, я понял! Момент исторический. Со всей ответственностью подойду к решению вопроса, – Хати немного нервно рассмеялся. Глаза его блестели от возбуждения, ноздри прямого носа раздувались, втягивая знакомые запахи ночного леса.

– Перед Катюхой там не опозорься. Деревня ты наша!

– Сам городской что ли? – буркнул Волк.

– Если б я точно знал...

– А чего тут знать? И так все видно. Вот Брис – тот городской, он лейтенантом был, специально учился, потом на фронте людьми командовал. Его даже награждали.

– Он много помнит... А я бы хотел забыть, – тихо ответил Брок.

– Я бы тоже много чего хотел...

Дальше шли молча, каждый думал о своем. Потом Хати резко остановился.

– Возвращайся к Маше. Она там одна с ребяташками. И спасибо за все, дальше уж я сам справлюсь.

Брок тяжело вздохнул, ободряюще похлопал Хати по плечу и, круто развернувшись, быстро направился к своему коттеджу. А Волк уверенно зашагал вперед по темной дороге. Ночной лес был ему родным домом, а вот встреча с городом немного тревожила. Как-то его встретит любимая? А вдруг прогонит?

Теперь Хати с новым стыдом вспоминал о записке, что оставил в Катиной тетради, причем, он даже не мог точно

вспомнить все глупые фразы.

«Словно туман какой-то был в голове... И дернул же черт меня читать ее сказку, хотя, интересно она все там расписывает – прогулки с волком у реки, да этот проклятый буржуй Веймар. А чего же я так разозлился? Сам не пойму! Правда, надо бы улечься обратно к ней и все ее сказочки наяву... Вот дурачина психованный! Лишь бы простила, впредь буду умнее».

Глава 10. Квартира у парка

*Дом хрустальный на горе для нее.
Сам как пес бы так и рос в цепи...*

В. Высоцкий

Хати шел быстро, временами переходя на легкий бег, красочно представлял будущую встречу с Катей, чтобы избавиться от предрассветной дремоты. К обеду нового дня он, наконец, выбрался из леса на главную дорогу чуть дальше поста ГАИ.

На автобусной остановке уже топтался невзрачный мужичок с ведрами черной смородины – к родне, наверно, повез или в город на продажу. Вскоре подошли еще люди из ближайшей деревни: женщина средних лет с ребятишками и вертлявая сухонькая старушонка, от которой Хати старался держаться подальше.

"Бутылек одеколona на себя вылила, невозможно дышать... Нет, похоже на Красный мак или Москву, запах будто знакомый".

Он шумно фыркнул, тогда девушка в узких брючках с яркой помадой на губах бросила на Хати внимательный изучающий взгляд и принялась поправлять волосы, собранные в тугий хвост на затылке. Волку отвернулся и зевнул, очень хотелось спать, давала знать о себе бессонная ночь, прове-

денная на лесной дороге.

Потоптавшись на солнцепеке, Хати сел на железную скамейку внутри остановочного комплекса и задремал, прислонившись боком к стене. Разбудил его только шум подъезжающего автобуса. Хати забрался на последнее сидение, кстати, единственно свободное, и почти всю дорогу до города мирно проспал, откинувшись на высокий подголовник сидения. Не мешала и громкая музыка в салоне, и разговоры соседей пенсионного возраста о летних работах на даче.

Город его ошеломил. Высоченные здания, множество снующих туда-суда машин всевозможных форм и расцветок. Зрелище запруженных транспортом улиц завораживало как пестрый калейдоскоп. Хати чуть не носом прильнул к стеклу, жадно рассматривая вывески магазинов и разношерстную людскую толпу. Выбравшись из автобуса, он еще раз глянул на самодельную карту, нарисованную Лизой, представил дальнейший маршрут.

Только в восьмом часу вечера Хати добрался до сквера со старыми соснами, за которым стояла пятиэтажка, где сейчас жила Катя. По дороге он зашел в парикмахерскую, которая нечаянно попала на пути, и там с его непослушными вихрами сотворили настоящее чудо. Волк долго разглядывал в зеркало новую прическу, а потом, озорно подмигнув, спросил мастера:

– Хорошо выгляжу? Можно на свидание идти?

Девушка отчего-то грустно вздохнула, прижав ладошки к

плоской груди.

– Да хоть с «Мисс Россия»! У вас лицо очень доброе и мужественное.

"Но я хочу только моей Кате понравиться, лишь бы дома ее застать!"

В цветочном магазине он купил букет роз, а еще пушистого белого зайчика с сердечком в мягких лапах. Скоро в полной боевой готовности Хати добрался до нужного дома и затаился под высоченными тополями во дворе.

Вчера, во время ответственных сборов, Лиза припомнила слова Кати, будто окна их старой квартиры выходят как раз во двор, а деревья шелестят прямо в окна третьего этажа. И теперь Хати пристально вглядывался в окна, надеясь заметить знакомую фигурку на балконе. Номера квартиры он же не знал.

Две бабушки на скамье у подъезда перестали обсуждать цены в местном супермаркете, а потом настороженно зашептались, видимо, приняв деятельный интерес Хати за недобрые намерения. Вскоре одна из них вскинула голову и уперлась тросточкой в асфальт, задавая вопрос:

– А вы мужчина кого тут ждете?

– Я к Кате приехал. Вы знаете ее? Катя Пермякова... Третий этаж, кажется, – взволнованно пояснил Волк, опустившись на корточки перед пожилой дамой, отчего та вдруг резко подалась в сторону, едва не спихнув соседку со скамьи.

– Пермяковы тут больше не живут. Вера давно уехала.

Квартира у них пустая стоит. А вам чего надо? Чего нюхаетесь тут? Если надумали грабануть, так у нас участковый в третьем подъезде свой. Смотри у меня...

– Эх, вы! Разве я на бандита похож? – обиделся Хати, выпрямившись во весь рост. – Я цветы принес, видите? Я приехал мириться.

Тут вторая старушка двинула бедром, возвращая себе пространство на скамейке, и сразу накинулась на подозрительную подругу:

– Чего к парню пристала? Молодой, красивый. На спортсмена похож. Может, у него важное дело к Пермяковым.

И уже приветливо обратилась к самому Хати с советом:

– В подъезд мы тебя не пустим, лучше покричи у окошка, сейчас у всех они нараспашку в такую жару, может, кто и услышит.

– У него что – телефона нет? Мало у нас орут во дворе, еще и этот начнет среди бела дня глотку драть? – возмутилась первая блюстительница порядка.

Но Хати больше на бабушек не смотрел, потому что на третьем этаже распахнулись окна застекленного балкончика и показалась милое Катино личико. Она улыбалась, протягивая руку к тополиной ветке, вот поймала ее за кончик, качнула, здороваясь. Нельзя было упускать момент.

И Хати в самом деле завопил от радости, невзирая на испуганные гримаски недавних собеседниц на лавочке. Но короткое недовольство самой строгой из них скоро сменилось

на искреннее одобрение, потому что подозрительный незнакомец скоро запел.

– В полях под снегом и дождем
Мой милый друг – мой добрый друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних выюг – от зимних выюг,
И если б дали мне в удел
Весь шар земной – весь шар земной
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной – тобой одной (с).

Это была песня на стихи Роберта Бернса из радиоспектакля о Робин Гуде. Сентиментальной Катюше она еще с детства нравилась и в «Северном» сама не раз усыпляла под нее малышей. А когда Хати заинтересовался, то включила ему песню в исполнении Льва Лещенко на ноутбуке.

Завораживающая мелодия и проникновенный голос исполнителя запомнился надолго. И вот сейчас, держа перед собой свежий розовый букет, Волк на весь двор пел эту песню для любимой девушки. Его приятный баритон далеко разносился по округе, недаром к подъезду подтягивались любопытные слушатели.

Оказавшись в эпицентре романтических событий, бабушки на скамье благожелательно заулыбались. Где-то выше приоткрылось окно. Мужчина, куривший на балконе второго этажа, свесился вниз и с изумлением уставился на высо-

кого спортивного парня, горланившего серенады.

Но Хати не замечал никого вокруг, потому что смотрел на родное Катино лицо, которое она до самых глаз закрыла ладонями, на ее большие голубые глаза, распахнутые в восторге, и был совершенно счастлив. А потом Волк ухватил свой букет зубами за ленту упаковки, поправил рюкзак на спине и подпрыгнув, подтянулся на железной решетке ближайшего балкона.

– Да ты что? Зачем же так? Я тебе сейчас дверь открою! – раздался сверху срывающийся голосок Кати.

Ответить ей сейчас Волк просто не мог, и, похоже, весь дом и весь двор, затаив дыхание, наблюдал, как симпатичный мужчина с букетом роз в зубах забирается на балкон к возлюбленной. Не замедлили появиться и новые комментарии:

– Гляньте, какой у нас Ромео выискался!

– Предложение полез делать?

– Точно! С цветами полез, ишь, альпинист!

– Не только спортсмен, но и артист. Екатерина-а, соглашайся-я... нечего думать.

Катя засмушалась, когда до ее слуха донеслись подбадривающие возгласы соседок. Она ждала Хати с бьющимся сердцем, приложив руки к пылающим щекам. Это было невероятно трогательно и сказочно, она даже представить не могла, что такое событие может произойти в ее жизни. Первым в окне показался огромный букет, который Катя немедлен-

но подхватила, прижав к груди, потом и сам Хати ловко перемахнул подоконник и с довольной улыбкой направился к ней.

– Радость моя! Как же я сюда торопился.

Первое время они просто целовались, пока Катя не повисла на нем, чувствуя, что больше не может стоять на ногах. Хати тяжело перевел дыхание и хрипло проговорил:

– Где у тебя помыться можно, я же с дороги... Сейчас чистенький тебя любить буду.

Катя отвела его в ванную, а сама поставила вазу с букетом на столе в спальней комнате. Потом улыбнулась лукаво и отломала пару розовых бутонов. Вскоре Хати вышел из душа мокрый, торопливо вытираясь полотенцем. Найти хозяйку в крохотной квартирке ему не составило труда. Но зрелище, что открылось ему, едва он переступил деревянный порожек спальни, превосходило все самые сокровенные желания.

Свет в комнате был выключен, зато горели свечи, с десятков маленьких круглых свечей в аккуратных серебристых подставочках. На столике у окна, распространяя тонкий, еле уловимый, свежий аромат, стоял розовый букет. А на белоснежной простыне, усыпанной лепестками роз лежала соблазнительная красавица с распущенными по плечам волосами.

На Кате были только алые кружевные трусики и такой же алый топик с застежками-крючками спереди. Хати небрежно отбросил ненужное больше полотенце на стул и стал медлен-

но приближаться, нарочито сурово сдвинув брови и угрожающе ворча:

– Твой хищник нашел тебя, леди Катарина, и теперь всегда будет рядом.

– Надеюсь, хищник будет нежным со мной, – покорно вздыхая, низким грудным голосом ответила Катя. Она вдруг набросила на себя прозрачный алый паланкин, почти полностью окутавший ее фигурку.

– Я, конечно, очень постараюсь... А это чтобы мне опять добраться до тебя труднее было, да? – смиренно спросил Волк, уже на кровати подкрадываясь ближе.

– Ты знаешь, я вообще-то девушка скромная, мне неловко перед тобой лежать голышом, – в Катиной хитровой улыбке, впрочем, не было ни капли смущения.

– И с каких же это пор ты стала стесняться? – все больше распаляясь, Хати медленно выпутывал Катю из тонкой ткани.

Она вдруг поднялась и сама уселась на его колени лицом к лицу, серьезно заглянув в глаза.

– Хати, я тебя очень люблю! Если хочешь, я выброшу свою книжку, то есть удалю файлы из ноутбука и вообще не буду больше писать. Не могу из-за своих фантазий с тобой ссориться. Остальное будем решать вместе...

– Катюша, любимая, желанная, прости дурака! Забудь, что я там тебе приписал сгоряча. Все это бред ревнивый. Сказка у тебя получилась отличная, девчонки пищат от вос-

торга, хотят с твоего согласия выложить куда-то в Интернет, а еще на конкурс любовных сочинений отправить. Может, ты потом еще что-то напишешь, я честно, совсем не против, и злиться больше не буду, хоть про волков, хоть про зайцев... да, у меня же еще есть подарок для тебя. Чуть не забыл, ну, это потом, ладно? Он в рюкзаке, а сейчас уходить от тебя не хочется ни на миг. Катя, как же я соскучился-то, так соскучился... просто сил нет.

– Совсем нет сил? Бедненький мой, устал. Может, тогда поспишь немножечко, отдохнешь, – пряча улыбку, почти серьезно предложила она, покрывая быстрыми поцелуями шею Хати.

– Смеешься, что ли? Сейчас я... ага... прямо так, лег и уснул.

Волк вдруг рванул застешки топики на груди у Кати, стянул тонкие кружевные ляпочки с ее плеч и откинул в сторону атласную вещицу.

– Спать сегодня даже не надейся, леди. Или как там тебя по сценарию называть. Катюха, я же совсем дремучий, подсказывай.

Потом они любили друг друга исступленно и нежно, наслаждаясь каждым мгновением близости, позабыв обо всем. Прежние разногласия и страхи остались где-то позади, а будущее, может, и казалось несколько туманным, но эта встреча определенно дарила веские надежды.

– С бывшим-то своим виделась? – глухо спросил Хати,

удобно устроив любимую на своем плече.

– М-да... – сонно пролепетала Катя, – Все уже кончилось. Осталось только официальный документ получить, что я свободная женщина. Ну, так лучше звучит, чем разведенная.

– Как это свободная? Даже и не мечтай! Ты же моя, ты со мной! Может, теперь и нам поженится?

– Зачем торопиться? Только развод и снова замуж, наверное, нехорошо. Мы же и так вместе, отметка в паспорте ничего не изменит.

– А если у нас дети получатся?

Для Кати это был довольно болезненный вопрос. Она вздохнула, прижимаясь лицом к гладкой груди Волка.

– А вдруг я вообще не смогу иметь детей?

– Это еще почему?

Катя зажмурилась, поскольку точного ответа и сама не знала.

– У меня ничего не получалось раньше, правда, Лиза сказала, что так бывает...

– Так отлично, что с другим не получалось, ты же просто меня ждала. А теперь все сбудется у нас, вот увидишь!

Хати ласково, прямо по-отечески поцеловал ее в лоб. В отличие от Кати, он был совершенно уверен в положительном решении вопроса будущего потомства.

– Но все-таки, а если детей не будет? – она подняла на него страдающие глаза, – это для тебя очень важно, пожалуйста,

честно скажи. У Игната есть дети, у Лизы с Владимиром скоро будут. А мы?

– А ты не думай вообще про детей! Забудь... Будут – будут, ну – нет, так и нет! Что толку переживать да расстраиваться? Если уж очень надо, к бабушке какой-нибудь сходим.

– Зачем к бабушке? – не поняла Катя.

Хати задумался на пару мгновений, потом усмехнулся смущенно.

– Сам не знаю, почему так сказал. Вроде, помню, что в таких делах молодые всегда ходили по знающим бабкам, ну, «знахаркам», по-простому. Помогало, кажется.

Катя припомнила слова Ольги о том, что Иван почти не помнит своего прошлого в результате сильной психофизической травмы. И она сама не раз пыталась осторожно расспросить его о детстве, о родных, но Хати всегда переводил разговор на другую тему или отшучивался.

«Русалка оставила на берегу, а Коротков воспитал...» Даже фамилия у него была новая, он сам ее выбрал полгода назад и теперь в документах значился как Иван Алексеевич Волков.

«Хоть одну родню указать – в серой шкуре, раз другую не знаю» – грустно улыбаясь, пояснил он полковнику Короткову.

Начальник «Северного» испытывал к Хати особую симпатию и привязанность. С этим парнем было легче найти общий язык по сравнению со вспыльчивым Медведем и молча-

ливым Барсом. Алексей Викторович искренне полюбил Ивана. Как младшего сына полюбил из всех троих Алексеевичей, что проживали на вверенной ему территории.

* * *

– ...ты знаешь, когда я рано утром убежал от тебя, то вплавь до другого берега добрался. И мне почудилось, что в воде рядом со мной плыл кто-то еще. Представляешь? Может, русалки вернулись на наше озеро?

– Почему бы и нет, раз там теперь такой добрый молодец объявился... Да еще Ванечкой звать! Заманиваешь меня новой сказкой, да? – с закрытыми глазами улыbnулась Катя, – а, я еще в детстве такие стихи придумала, вот слушай:

– В прежней жизни я была русалкой,
Королевой омутов ночных,
Или согрешившею весталкой,
Чей позор спит на губах твоих.
Я была женою фараона,
Только душу слабую губя,
Я спускалась с золотого трона
И в ночном саду ждала тебя.
А, быть может, прошлое рабыни
Где-то глубоко в себе таю,
Только знай, с дней давних и поныне
Я тебя лишь одного люблю.

– Красиво сказано, мудрено, весталки какие-то, я даже такого слова не знаю... – похвалил Хати, – а я в прошлой жизни был Волком. Я его даже видел.

Катя слушала, затаив дыхание, сон вдруг пропал.

– ...Он был на Старого похож, только крупнее и весь седой какой-то, словно в муке извалялся. А глаза у него были спокойные, даже равнодушные, уставшие такие глаза. Он лежал в клетке, напротив моей и мы смотрели друг на друга, он через свои прутья, я – через свои. А потом я услышал в голове слова, нет... даже не услышал, а просто догадался. Он так мне сказал: «Я уже стар, а ты молод и полон сил. Я скоро уйду, а ты останешься жить и будешь жить очень долго и вернешься домой».

Хати замолчал, глядя в потолок. Катя приподнялась, обняла его за шею, прижалась щекой к щеке.

– Я бы хотела тебе помочь, я бы все для тебя сделала! Только скажи...

– Ты мне уже помогла, ты меня нашла.

– А сам ты больше не исчезнешь? Не убежишь от меня?

– Нет, ни за что! Катя, я к тебе прибежать хотел почти сразу после этой дурацкой записки, только... Мне надо было немного одному побыть. Я же не знал, что ты уедешь внезапно.

– Всего-то на несколько дней! Правда, я так переживала, что не увиделась с тобой до отъезда. Я хотела объяснить...

– Брок сказал, ты из-за меня плакала. Ух! Я не мог ждать ни дня. Вот и нашел тебя здесь. Девочки дорогу подсказали, Лиза одела. Знаешь, как они меня провожали вчера? Словно космонавта в полет на Луну. По секрету от Короткова, кстати.

– А ты знаешь, я думаю, что на Луне еще никто не был. Может, американцы всех обманули, сняли фильм в павильоне, будто слетали на Луну и вернулись обратно. Говорят, даже сейчас нет таких технологий, чтобы благополучно вернуться из такой опасной миссии. Может, Луна по-прежнему еще недоступна человеку. Я думаю, Россия и здесь будет первой. С нашими-то космическими разработками. Это на земле мы дороги строить не умеем, не во все деревни провели газ и Интернет, зато в космосе уже порядком освоились. Вот так у нас всегда...

– Может, дети наши полетят? – засмеялся Хати, закидывая руки за голову.

– Поживем-увидим, – неуверенно пробормотала Катя.

«Будут ли вообще у нас дети... Ладно, тоскливыми думами дела не поправишь».

По странному совпадению это же самое время о детях, да и о самой Кате Пермяковой вспоминал еще один человек. На душе у Антона было мутно. Он только что приехал из аэропорта в свою уренгойскую квартиру. Прошел в темную кухню, налил "Хенесси" и пил обжигающий коньяк маленькими глотками, согревая пузатый бокал в руках.

В Тюмень он ехал забрать Катю. Или же окончательно унижить ее, оскорбить прилюдно, выплеснуть на беглянку всю накопившуюся злость и разочарование своих разбитых надежд. Не получилось ни того, ни другого. Возвращаться с Антоном в прежнюю жизнь Катя решительно отказалась, вела себя настолько дерзко и уверенно, что он с трудом узнавал в ней прежнюю робкую «монашку».

К тому же рядом с Катей был ее отец, фигура весьма солидная и в городе уважаемая. Устраивать скандал в его присутствии Антон не посмел.

«Старик еще в прессу обратится, связи среди журналистов поднимет, ославит меня по области, а там и до руководства дойдет, пострадает репутация нашей фирмы. Газетчикам только дай повод побрызгать слюной».

Перед строгой женщиной-судьей Каргополовы сдержанно изложили причины, по которым хотят расторгнуть брак и скоро процедура развода была практически завершена. После чего Катя выпорхнула за дверь, где ее ожидал Николай Иванович. Что ж... Антон не смог выговориться и перед бывшим тестем. Тот подхватил дочь под руку и быстро покинул казенное учреждение, а северянин вернулся в гостиницу с таким чувством, будто его только что обокрали.

Антон и понятия не имел, как интересно сложится дальше жизнь. Ровно через два года после развода он женился во второй раз, прельстившись широко известной в определенных кругах уренгойской «гетерой» на пять лет старше себя.

У Жанны уже был взрослый сын, который чуть ли не с рождения проживал с бабушкой, пока мама делала карьеру эскортницы для бизнесменов.

Сойдясь с Антоном, Жанна быстренько забеременела и также родила ему сына – точную копию Каргополова. Так что генетическая экспертиза, которую втайне от новой жены собирался провести Антон, даже не потребовалась. Он был всем доволен, тем более, что многоопытная Жанна полностью удовлетворяла все его интимные запросы. Этой зрелой, раскрепощенной матроны Антону даже было много, тем более что с годами его любовный пыл постепенно угасал.

Жизнь любит преподносить сюрпризы.

Глава 11. Обратю в "Северный"

На следующий день после предварительного телефонного звонка к Кате приехала мама. Вера Анатольевна привезла домашний пирог с курицей и котлеты, а также два контейнера с салатами. Раскладывая провизию на столе, она пожурела дочь:

– Я слышала, у тебя же гостит молодой человек, его надо кормить, а что твои вареники из магазина?

– Мамуль, мы пиццу собирались испечь, у меня уже все готово, я даже тесто поставила, правда, только в обед. Немного проспала...

– Вот-вот, к ночи только и поспеет. А пока попробуйте мое угощение.

Веселый Иван и тактичная Вера Анатольевна быстро нашли общий язык. А разве могло быть иначе?

– Катюша очень на вас похожа, я бы подумал, что вы ее старшая сестра. А какой вкусный пирог, он вроде «курник» называется, я знаю, его готовить трудно и долго, не все умеют. А еще я шаньги люблю из печи и пирожки с груздями. М-м-м, объеденье! А зимой холодец, представляете, снизу мясо, а над ним «дрожалка» в палец толщиной. Вот это по-нашему! Вы такое пробовали? А знаете, что такое «кокотеня»?

Вера Анатольевна умилялась.

– Знаю, Ванюша, это картошечка мятая, залитая сметаной

и в печи запеченная до золотистой корочки. У нас в деревне бабушка так готовила. А ты кушал когда-нибудь паренки?

– Из морковки мне больше нравились, но из свеклы даже слаще, – со знанием дела подтвердил Иван.

– А сырчики любишь? Замороженные шарики из творога, смешанного с сахаром и сметаной? Налепишь колобочков и на мороз, а потом вместо мороженого на десерт. Еще тупоськи – оладушки? – Вера Анатольевна даже глаза прикрыла от приятных воспоминаний.

– Знакомо, конечно. А вы «пластики» ели? Тонкие ломтики сырого картофеля, запеченные прямо на «буржуйке»?

– «Буржуйка» – это печка такая? – переспросила Катя.

– Да-да, – охотно пояснил Хати, – у нас ее еще «железянкой» звали. Ух, и теплая в мороз! Нагревалась мгновенно, листы железные тонкие, рукавицы еще хорошо сушить было.

– Да ты же наш парень – настоящий сибиряк! – восхитилась Вера Анатольевна, хотя Катя строго-настрого запретила ей расспрашивать Ивана о его происхождении.

– Ну, да, наверно... кажется, ваш – да! – ликовал Хати.

– Золотой ты мой мальчик!

Вера Анатольевна вдруг расчувствовалась и крепко расцеловала удивленного Ивана в обе щеки. Тот совсем растерялся и только глазами хлопал, а потом сказал немного срывающимся голосом:

– Я Катю очень люблю! Я буду о ней заботиться и никогда не обижу, я вам обещаю... мама.

Тут уж Вера Анатольевна вовсе не смогла удержать слез, и Катя тоже быстро-быстро заморгала ресницами, растрогавшись.

– А вдруг я папе вашему не понравлюсь? – немного погодя заволновался Иван.

– Мы его не больно-то боимся, – ласково улыбнулась Вера Анатольевна, – отбоялись уже свое. Да и Николай Иванович нынче присмирел. Ему, Катя, награду большую обещают за последнюю книгу, в Екатеринбург поедет на Форум Уральских писателей, светится прям от радости.

– Катя тоже написала роман, – не удержался, чтобы не похвастать Иван.

– Ну, мне особо нечем гордиться, это ж так... любовная сказка преимущественно для женской аудитории, – сравнивая себя с отцом, Кате стало неловко за свои письменные труды. Вряд ли ее роман когда-нибудь напечатают или удостоят серьезным отзывом.

Но Вера Анатольевна смотрела на дочь с гордостью.

– А я тебе давно говорю, пиши, как получается, если душа просит. Не слушай отца, у него свои заморочки. Книги ведь всякие нужны. Высокохудожественные и попроще. В лесу не одни лишь дубы растут, хватает кустов и махоньких травок – каждая на своем месте. Будет интересно, найдутся читатели – похвалят, попросят еще. Только грязь всякую не надо писать, про насилие и разврат, этого и так в жизни хватает. По телевизору на каждом канале одни боевики да драмы.

После такого напутствия Катя опустила глаза, а Иван отчего-то заулыбался во весь рот. Проводив Веру Анатольевну до ее дома, друзья отправились гулять по городу, который уже начал зажигать первые фонари.

Надвигалась ночь, по июльски теплая и светлая. Молодые люди держались за руки, разговаривали обо всем, что в голову приходило, а потом на последнем городском автобусе добрались до набережной реки Туры. И там еще долго стояли, обнявшись на мосту Влюбленных.

И тут Катя вдруг остро почувствовала, что сбываются все ее самые заветные желания, даже еще детские смутные грезы о Прекрасном Рыцаре, который вот так же влюбленно будет смотреть ей в глаза, так осторожно целовать в краешек губ – «все-таки на улице, при народе...».

Душу переполняло счастье, точнее, уверенность в том, что счастье возможно и не на краткий миг, а на долгую жизнь впереди. Именно здесь, на мосту Влюбленных, Хати вытащил, наконец, из своего рюкзака забытого пушистого Зайца с сердечком и, немного смущаясь, вручил Кате.

– Наверно, по-детски немного... но ты же еще ребенок в душе, сказочница моя.

Игрушку Катюша приняла благосклонно, даже чмокнула зайца в розовый носик. А потом нажала на его плюшевый животик. Тогда, к величайшему изумлению Волка, изнутри вдруг раздался перезвон колокольчиков и тоненький голосок пропищал забавную песенку. Невозможно было удержаться

от смеха при виде озадаченного лица Хати. Он явно не предполагал, что его подарок окажется говорящим.

Два последующих дня прошли наполненные прогулками, разговорами, музыкой, стихами и, конечно, любовью. Но в пятницу вечером позвонила Ольга, сообщив, что рано утром за Катей подъедет водитель на «Туареге». Нужно было возвращаться в «Северный», городские каникулы подошли к концу.

Владислав Белоногов даже вида не подал, что удивлен появлением Хати в своей машине. Видимо, Ольга заранее поставила его в известность о двух пассажирах, которых нужно вернуть в лесной поселок. Коротков, кстати, уже находился там.

Долгая дорога порядком утомляла, Катюша успела вздремнуть часок, пристроив голову и плечи на колени своего спутника. Потом Хати немного поспал, почти в том же положении, что и Катя, правда, он был гораздо длиннее и ему было не так удобно, но он не жаловался.

Дважды Белоногов останавливался отдохнуть, все вместе они перекусили в знакомом небольшом кафе у дороги. Небо опять затягивали тучи. Июль – грозовой месяц в Сибири. Но в «Северный» ухитрились приехать до начала дождя. Причем, Хати пришлось выскочить из "Фольксвагена" перед постом ГАИ и через поле бежать к лесу. Без специального разрешения он не мог оставаться в машине, которая собиралась свернуть на неприметную дорогу, ведущую к поселку.

После того как «Туарег» скрылся из вида полицейских на федеральной трассе, Белоногов и Катя ожидали Волка в лесу. Перед воротами «Северного» Хати тоже заранее покинул "Туарег". С удовольствием разминая затекшие ноги, он в обход помчался к дому Брока, чтобы переодеться в обычные свои «армейские» штаны и темно-зеленую безрукавку.

Полковник Коротков ничего не должен был заподозрить, почти недельная командировка Волка в город должна остаться для него секретом хотя бы на время, потом Ольга непременно расскажет ему все нюансы. А сейчас начальник поселения радушно встретил уставшую Катю, проводил ее в комнату, что она занимала прежде.

– Очень рады вас снова видеть у нас! Все, – значительно подчеркнул Алексей Викторович, – все мы по вам соскучились! Отдыхайте, голубушка, набирайтесь сил на завтра. Много дел предстоит.

Потом Катя душевно обнялась и расцеловалась с Ольгой. «Какое же это счастье, возвращаться туда, где тебе искренне рады!»

– Коротков мне сегодня странным показался... Будто расстроен чем-то или озабочен. И дела какие-то важные на завтра планирует. Не знаете, с чего бы он так?

– Ой, Катюш, и не говори! Сам не свой уже третий день, как вернулся из города. Новость, говорит, привез. А хорошая или плохая, не понятно. Завтра устроит общее собрание и расскажет.

На следующий день, ближе к обеду Алексей Викторович собрал всех обитателей «Северного» возле дома Игната и Маши.

– Ну что, друзья мои драгоценные! Хочу, чтобы вы знали и понимали ситуацию. К нам на днях привезут новенького. Он больше года жил в Подмосковье, но пользы это ему, кажется, не принесло. А у нас тут на лицо успехи, – при всей серьезности момента Коротков не смог сдержать свойственной ему лукавой улыбочки, когда окинул взглядом Машиных ребятишек и круглый Лизин животик.

– Так вот, что я еще хотел сказать... да, самое главное – в лес по одной женщинам не ходить, быть постоянно на виду даже в поселке. Неизвестно, что у него на уме, он очень замкнут и суров. Одиночка. Этот год с ним по-всякому пытались общаться разные специально обученные люди – психологи и врачи, но все напрасно. Молчит мужик. На контакт ни с кем не идет. Всякие попытки нарушить личное пространство грубо пресекает. Может быть крайне опасен. Нам тоже быть настороже. При случайной встрече в конфликт не вступать, ты меня слышишь, Брок? У тебя жена и дети!

– А я-то что? Пусть лучше сам сюда не суется, – огрызнулся тот, но в глазах его загорелось что-то похожее на предвкушение борьбы.

Коротков только вздохнув, заметив напряженное выражение лица Медведя.

– Ох, чувствую, не избежать с ним проблем! Так хоть вы

не подведите меня.

– А где он будет жить? – подала голос заботливая Маша.

– Лесной домик Бриса надо будет подготовить. Может, согласится хоть ночевать там. Я думаю, ты против не будешь?

Коротков вопросительно поглядел в сторону Барса. Тот лишь пожал плечами, выражая согласие, и задал лишь один щекотливый вопрос.

– А он кто, этот новенький?

Тут Брис красноречиво покосился в сторону Кати, откашлялся, размышляя, как бы ловчее спросить самое интересное.

– В смысле его «лесное» имя? Ну, тотем его, что ли, какой?

Мужчины замерли в ожидании ответа, вдруг осознав, что Катя владеет лишь частью информации о жителях "Северного".

– Его зовут Туран. И он вроде бы как... – Коротков тоже бросил взгляд на неосведомленную Катю, запнулся... – Тигр!

– Оп-па! – немедленно восхитился Брок, – вот, это я понимаю, это по-нашему! А то все волчата несмышленные под ногами путаются...

– Не получал, видно, давно от волчат... – рыкнул Хати, пытаясь осторожно освободить пальцы от Катиных рук и подобраться ближе к Медведю.

– Да хватит вам уже цапаться, тут что-то посерьезнее на-

мечается! – приструнила их строгая Лиза.

– И что все напряглись? Подумаешь, еще одна большая кошка, – лениво процедил Брис, успокаивающе обнимая жену.

– Точнее, кот, – тихо добавил Коротков, – и он реально большой – я, правда, только видеозапись видел, но мне хватило. У него шрамы на лице и по всему телу, говорят. Что тут скажешь, порядком досталось человеку. Нас он, может, и не считает за врагов, но психика его остается загадкой даже для специалистов. А у вас женщины и малыши, – Коротков тяжело вздохнул, – и еще... мне сказали, что женщин он вроде как недолюбливает.

– Это еще почему? – возмущенно ахнула Лиза.

– Может, это связано с его прошлым, – предположил Брис. Он-то знал, о чем говорил.

– Странно... – устало пробормотала Маша, – я в дом пойду, ладно? Даше спать пора.

Катя, держащая на руках Мишутку, поднялась на крыльцо коттеджа вслед за подругой.

Мужчины проводили их тяжелыми, обеспокоенными взглядами. Казалось, над всем поселением нависла зловещая тень неведомого Турана. Коротков виновато развел руками.

– Я пытался объяснить, что у нас тут давно свой коллектив сложился и народ теперь вполне адекватный. Считаю, зря мужика с места срывают, он уже там привык, тоже ведь в лесу живет, пытались ему и подругу найти, но...

Алексей Викторович не стал уточнять последние факты из биографии Турана, например, то, что с недавних пор его вообще перестали знакомить с новыми людьми по ряду серьезных причин.

– А мне говорят «у вас, в Сибири, места волшебные, воздух тело и душу лечит, притом девушки особенные. Может, у вас Туран и судьбу свою встретит». Им-то что, они в кабинетах сидят, наблюдают сверху, посмеиваются себе, говорят, тебе, Коротков, за каждого нового малыша «звездочку» пора выдавать. Старайся, мол, дальше, улучшай демографию на вверенном тебе участке... то есть создавай такие условия, в смысле... чтоб, значит, другие улучшали.

Полковник окончательно запутался в своих присказках, чувствуя на себе внимательные взгляды троих мужчин.

– Да, поняли мы вас, Алексей Викторович, рады поддержать во всех полезных начинаниях! – усмехнулся Хати, – с Тигром-то что будем делать, а?

– Если к девчонкам полезет, я его порву! – сказал Брок, как припечатал.

– Посмотреть надо еще, что это за зверь! А боятся нам его нечего, хотя бы потому, что нас трое, а он – один, – уверенно рассудил Брис.

– Угу... пробормотал Коротков, – а, может, он один, да в тельняшке?

– Чего-о?

– Шучу, я шучу, ребята... Позвольте-ка, только напом-

ню, что вы все тут когда-то по одному жили, а в поселок по ночам, крадучись прибегали, словно крысы, уж простите за неловкое сравнение. Теперь-то, конечно, освоились, потомством обзавелись и зазнались малость, а? С девочками вам, конечно, повезло – всем повезло, это правда! Девочки вас из леса и вытащили на белый свет. А то до сих пор бы бегали без штанов и с волками были некоторые, прости, Господи, меня грешного!

– А что сразу волки? Чуть что, сразу волки? И когда это я бегал без штанов? – искренне возмутился Хати, радуясь в душе, что Катя не слышит этот разговор.

Брок хихикнул, толкнув его в бок.

– Потому что другие приличные звери ведут себя тихо...

– Да, ну вас всех! Надоели! Я в дом пойду. А насчет Тигра... Все же и так ясно. Мы его не трогаем и он нас тоже. Девочек он наших не получит, понятное дело. А если будут вопросы у него на этот счет – доходчиво объясним, хоть втроем, хоть поодиночке.

– Вопросов, думаю, у него не будет, – снова тяжело вздыхая, пояснил Коротков, – он вроде бы вообще не говорит.

– Немой, что ли? – удивился Брок, – жалко мужика... Слушайте, может, ему здесь, и правда, полегчает. Мы же справились.

Алексей Викторович только пожал плечами. Насчет Турана у него не было уверенности ни в чем.